Годъ V. Воскресенье, 29 апрѣля 1928 года. № 18.



ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЦЕРКОВНО-НАРОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Адресъ Редакціи и Администраціи: Warszawa (4), Zygmuntowska 13. „Woskresnoje Cztienje".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 24 злотыхъ, на полгода 13 злотыхъ, на 3 мѣсяца 7 злотыхъ, на 1 мѣсяцъ 2 зл. 50 гр.; отдѣльный номеръ 75 грошей. **Заграницу:** на годъ 3 доллара, на полгода 1 долл. 75 центовъ, на 3 мѣсяца 1 долларъ, на 1 мѣсяцъ 50 центовъ; отдѣльный номеръ 20 центовъ.

ЦѢНА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: страница—80 зл., 1/2 стр. 45 зл., 1/4 стр.-25 зл., 1/8 стр.-15 зл., 1/16 стр. 10 зл. Объявленія помѣщаются по особому соглашенію съ Администраціей журнала.

Въ семъ году годовые подписчики получатъ 13 безплатныхъ приложеній.

СОДЕРЖАНІЕ.



А. САВОСТЬЯНОВЪ.

Мироносицы.

Луки XXIV, 1—10. Мѳ. XXVIII, 9—10.

Въ ту ночь, когда воскресъ Христосъ,
Благочестивѣйшихъ семь женъ,
Храня на лицахъ капли слезъ,
Шли къ мѣсту, гдѣ онъ погребенъ,

Съ запасомъ мира и мастей,
Чтобъ совершить обрядъ печальный
И послѣ муки и страстей
Исполнить долгъ тотъ погребальный.

И было горько въ душахъ ихъ,
Сердца ихъ въ страхѣ трепетали,
Онѣ въ торжественнѣйшій мигъ
Еще той радости не знали.

Ихъ мысли жегъ печальный пламень
Тоски, отчаянья, сомнѣнья,
На сердце легъ тяжелый камень,
Потухла вѣра въ воскресенье.

Онъ, ихъ божественный Учитель,
Какъ смертный человѣкъ погибъ;
Чудесъ великихъ совершитель,
Самъ передъ смертью Онъ поникъ!

И какъ не плакать, не страдать!
Во что теперь имъ можно вѣрить?
На что надѣяться? Что ждать?
И чѣмъ печаль свою измѣрить?

Вотъ очертанія гробницы
Уже чернѣются передъ ними
При блескѣ утренней денницы
Камнями мрачными своими.

Сильнѣй объемлетъ души трепетъ,
Волненья побороть нѣтъ силъ...
Вдругъ раздается робкій лепетъ:
,,А кто бъ намъ камень отвалилъ?"

Но что такое? Въ страхѣ зрятъ —
Отваленъ камень тотъ громадный,
И свѣтомъ Божіимъ горятъ
Два мужа съ вѣстію отрадной:

,,Его здѣсь нѣтъ! Христосъ Воскресъ,
Какъ говорилъ вамъ въ Галилеѣ!"
И дивной радостью небесъ
Сердца пришедшихъ возгорѣли.

,,Онъ говорилъ, что пострадаетъ,
Что будетъ преданъ и распятъ,
Что слава неба осіяетъ
Его, низвергнувшаго адъ.

Тогда воскреснетъ въ третій день
И дастъ вамъ Царство неземное,
Предъ Нимъ исчезнетъ смерти тѣнь,
И склонится предъ Нимъ все злое.

Но вы забыли его слово!
Среди гробовъ и мертвецовъ
Напрасно ищете Живого,
Царя небесъ и всѣхъ міровъ!

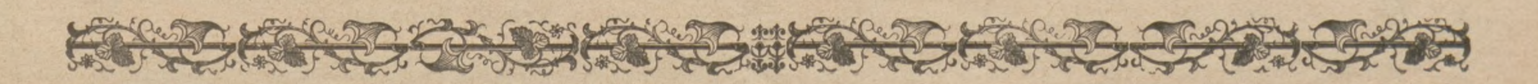
Къ ученикамъ Его идите,
Утѣшьте въ горькой ихъ печали
И радость эту возвѣстите,
Напомнивъ все, что мы сказали".

Тутъ солнце въ небѣ засіяло,
Озолотивши міръ земной,
И горе съ мракомъ вмигъ пропало,
Смѣнившись радостью живой.

И мироносицы склонились,
Прославивъ Бога и ликуя,
И въ городъ быстро удалились
Съ хвалебнымъ гимномъ: Аллилуя.

Вдругъ видятъ: посреди дороги
Идетъ воскреснувшій Христосъ.
Онѣ облобызали ноги
Того, Кто міру свѣтъ принесъ,

И всѣмъ апостоламъ сказали:
,,Возрадуйтесь! Христосъ Воскресъ!"
И безпредѣльно ликовали
Предъ этимъ чудомъ изъ чудесъ.



АРХИМ. ФИЛИППЪ МОРОЗОВЪ.

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА*).

V глава. Критическое отношеніе ко всему Православному Востоку. Первыя пять главъ „Великаго спора", 1883 г.

Дальнѣйшее развитіе критическаго отношенія къ Русской Церкви, въ связи съ критикой всего Восточнаго христіанства, мы находимъ у Соловьева въ первой половинѣ 8) его сочиненія „Великій споръ и христіанская политика". Здѣсь онъ доказываетъ, что наша національная болѣзнь есть только частное проявленіе общаго недуга, которому подвергнуто все Восточное христіанство.

Расколъ грѣшилъ смѣшеніемъ вселенскаго преданія съ частнымъ, превращалъ его въ преданіе мѣстной старины; но гораздо раньше раскола—въ IX и XI вѣкѣ этимъ же самымъ грѣшила Византія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ самые поводы, вызвавшіе разрывъ церковнаго общенія между Византіей и Римомъ. Напр., въ 867 г. патріархъ Фотій осудилъ наравнѣ съ filioque, какъ ересь, нечестіе и ядъ, рядъ обрядовыхъ и дисциплинарныхъ особенностей Римской церкви—бритье бороды и темени у священниковъ, посты въ субботы, безбрачіе всего духовенства и т. п. Такимъ образомъ Византійская іерархія приписала мѣстному обычаю значеніе вселенскаго преданія.

Вмѣстѣ съ Православіемъ, Россія получила и византизмъ, т. е. ту мѣстную примѣсь, которая искажала восточное христіанство. Но съ этой же точки зрѣнія естественно возникалъ вопросъ, почему же вселенское значеніе должно принадлежать именно греческому мѣстному преданію, а не русскому? Въ XV вѣкѣ для предпочтенія послѣдняго явилось новое основаніе: съ паденіемъ Константинополя возникло опасеніе, что грекамъ будетъ трудно сохранить чистоту православной вѣры, а въ то же время Москва, какъ новый царствующій градъ Православія, могла считать себя справедливо преемницей Византіи — третьимъ Римомъ съ такимъ же основаніемъ, съ какимъ нѣкогда Константинополь былъ объявленъ вторымъ Римомъ; и вотъ слѣдствіемъ этого явилось, что простыя обрядовыя особенности стали неприкосновенной святыней, и на мѣсто вѣры Христовой, вѣчной и всемірной, въ умахъ благочестивыхъ русскихъ людей незамѣтно становится „старая русская вѣра" 9).

Въ этомъ сочиненіи мысль Соловьева, какъ мы можемъ видѣть, подвинулась уже сильно впередъ по наклонной плоскости: Восточное Православіе, оказывается, страдаетъ однимъ общимъ недугомъ, и эта болѣзнь тянется съ момента раздѣленія Церкви на двѣ половины.

Далѣе, во второй половинѣ 10) „Великаго спора", авторъ естественно переходитъ къ разсмотрѣнію Папства. Онъ находитъ въ немъ недостатки и достоинства и, наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, старается относительно оправдать его, въ томъ смыслѣ, что положительныя заслуги Папства передъ Церковью превышаютъ его отрицательныя стороны.

*) См. „Воскресное Чтеніе" №№ 0, 12, 14, 16, 17.

8) Первыя пять главъ.

9) IV т., стр. 44—70.

10) Шестая и седьмая главы „Великаго спора".

VI глава. Католичество Соловьева.—Оправданіе Папства. Шестая глава „Великаго спора".

„Сущность Великаго спора", — говоритъ Соловьевъ,—„между христіанскимъ Востокомъ и христіанскимъ Западомъ изначала и до нашихъ дней сводится къ слѣдующему вопросу: имѣетъ ли Церковь Божія опредѣленную практическую задачу въ человѣческомъ мірѣ, для исполненія которой необходимо объединеніе всѣхъ церковныхъ христіанскихъ силъ подъ знаменемъ и властью центральнаго церковнаго авторитета". Римская церковь съ самаго начала стала за утвердительный отвѣтъ. Она становилась преимущественно на практической задачѣ—осуществленія царства Божія на землѣ — если такъ, то и самый вопросъ, составляющій предметъ Великаго спора, „сводится къ живому историческому вопросу о значеніи Римской церкви 11).

Римская церковь во всѣхъ сферахъ утверждаетъ безусловное единство неограниченной духовной власти: она требуетъ совершеннаго подчиненія отъ мѣстныхъ церквей, отъ государственной власти и отдѣльныхъ лицъ.

Это тройное требованіе, какъ извѣстно, вызываетъ троякій протестъ: церковному абсолютизму Рима воспротивился православный Востокъ; противъ его политическаго абсолютизма возстала на Западѣ свѣтская власть; наконецъ, противъ нравственнаго абсолютизма, требующаго безусловной покорности личнаго разума и совѣсти, возстало протестантство и вышедшій изъ него раціонализмъ. Итакъ, Римъ, стремившійся объединить разнородные элементы человѣчества, повидимому, успѣлъ только объединить всѣхъ противъ себя.

Произнести безусловное осужденіе Католичеству, со всѣхъ сторонъ отвергаемому, по мнѣнію Соловьева, просто и легко; но, чѣмъ легче для насъ такой приговоръ, тѣмъ онъ несправедливѣй. Намъ крайне трудно быть безпристрастными судьями нашего историческаго врага и тѣмъ не менѣе мы безусловно обязаны быть справедливыми. А для этого мы должны различать то, за что боролась Католическая церковь въ исторіи, отъ того, какъ она боролась. Она боролась за центральную власть въ видимой Церкви, и въ этомъ они совершенно права: для Церкви земной, воинствующей, необходимъ центральный авторитетъ, правильный, іерархическій порядокъ и строгая дисциплина.

„Разъ мы знаемъ", продолжаетъ Соловьевъ доказывать необходимость Папства, — „что въ Церкви вообще нуженъ центральный авторитетъ, вопросъ о томъ, почему центральное значеніе должно принадлежать именно римскому престолу, разрѣшается сравнительно легко". „Никакая другая церковь никогда не являлась съ такимъ значеніемъ. Одно изъ двухъ: или вообще Церковь не должна быть централизована, въ ней не должно быть никакого центра единенія, или же этотъ центръ находится въ Римѣ, потому—что за другимъ какимъ нибудь епископскимъ престоломъ невозможно признать такого центральнаго для вселенской Церкви значенія".

Но папа не является, по утвержденію Соловьева, „святитель надъ святителями", а только какъ высшій управитель Церкви: его преимущества отно-

11) Шестая глава „Великаго спора".

сятся не къ potestas ordinis, а единственно къ potestas iurisdictionis. Что же касается откровенной истины христіанства, то „здѣсь папа не имѣетъ преимущества даже передъ простымъ міряниномъ: такъ же, какъ и всякій мірянинъ, онъ не можетъ быть первоисточникомъ догматической истины, не имѣетъ права провозглашать какія либо новыя откровенія или новыя истины, не содержащіяся въ данномъ всей Церкви Божественномъ откровеніи“. Вообще папа можетъ распоряжаться только человѣческой стороной Церкви, ея временнымъ боевымъ порядкомъ.

Авторитетъ Папства имѣетъ, собственно, условное и служебное значеніе. „Каждый папа — только оружіе дѣйствія св. Петра, весьма несовершенное, а иногда вовсе негодное. Преимущество римскаго первенства должно быть преимуществомъ служенія, а не господства“.

Соловьевъ и теперь категорически признаетъ, что Папство въ теченіе исторіи не всегда было на высотѣ этой задачи. Мало того, онъ и теперь усиленно подчеркиваетъ ту мысль, что „параллельно съ развитіемъ византизма на Востокѣ, явилось на Западѣ другое нечистое теченіе мыслей и дѣлъ“, которое въ отличіе отъ Папства можетъ быть названо „папизмомъ“. Соловьевъ разумѣетъ подъ этимъ названіемъ „суетливое отношеніе“ папъ къ ихъ власти, „стремленіе поставить эту власть на почву формальнаго права, обосновать ее юридически, укрѣпить ее ловкой политикой, защищать ее силой оружія“. Здѣсь „духовная высота превращается въ плотское высокомѣріе“, „черты высшаго духовнаго служенія замѣняются чертами вещественнаго господства“.

Съ этой точки зрѣнія, три (вышеупомянутые) протеста были вызваны тѣми или иными неправдами папизма, а потому каждый имѣетъ свое относительное оправданіе. Такъ раздѣленіе церквей было вызвано „неправдой исключительно централизаторскихъ стремленій папизма“. Оно „показало, что Церковь насильственно объединяема быть не можетъ“. Протестъ свѣтской власти также имѣетъ оправданіе, поскольку онъ вызванъ былъ стремленіемъ папъ покорить міръ не свободною силою духовнаго человѣка, а плотскимъ и рабскимъ насиліемъ: „Торжество свѣтской власти во всемъ христіанскомъ мірѣ показало, что Церковь насильственно надъ міромъ господствовать не можетъ“. Наконецъ, третья неправда папизма была изобличена протестантствомъ, которое „показало, что человѣкъ насильно спасенъ быть не можетъ“.

Заключительная мысль всѣхъ этихъ разсужденій Соловьева о Папствѣ состоитъ въ томъ, что „неправды папизма не упраздняютъ истины Папства“. Конечные результаты движеній, направленныхъ противъ Папства, остаются только отрицательными. „Съ абсолютной точки зрѣнія византизмъ былъ неправъ, потому—что ничѣмъ не могъ замѣнить нарушеннаго имъ церковнаго единства“. Также нѣтъ полной правды и въ стремленіяхъ свѣтскихъ властей. „Отвергнувъ насильственную теократію папизма, онѣ оказались не въ состояніи замѣнить ее такимъ вещественнымъ порядкомъ, который оставлялъ бы свободное мѣсто религіи и высшимъ духовнымъ интересамъ, осуществлялъ бы правду въ людскихъ отношеніяхъ и давалъ бы мирное, правильное развитіе всѣмъ человѣческимъ силамъ“. Наконецъ, отсутствіе абсолютной правды въ протестантствѣ и раціонализмѣ обличается тѣмъ, что „взамѣнъ единой истины и авторитета они не могли дать человѣчеству единой истины разума“ 12).

Слѣдовательно, человѣчеству предстоитъ разрѣшить неотложную диллему, передъ которой оно уже давно стоитъ: „или обязательный авторитетъ Церкви или умственная и нравственная смута“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

12) IV т. стр. 70-95, шестая глава.

АРХІЕПИСКОПЪ ѲЕОДОСІЙ.

МОЖНО ЛИ ХРИСТІАНИНУ СОГЛАСИТЬСЯ СЪ УЧЕНІЕМЪ ТЕОСОФОВЪ О ПЕРЕВОПЛОЩЕНІИ ЛЮДЕЙ*)?

Защитники теоріи перевоплощенія не только на религіяхъ языческихъ желаютъ обосновать вѣру въ палингенезисъ, но и на религіи древне-еврейской. Профессоръ Лютославскій отрицательно относится къ теософской доктринѣ вообще, называя ее лже-теософіей, но является убѣжденнымъ защитникомъ палингенезиса. Въ своемъ сочиненіи: „Nieśmiertelność duszy“ 16) (Безсмертіе души) онъ дѣлаетъ ссылки на нѣкоторыя мѣста свящ. книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, будто бы благопріятствующія теоріи перевоплощенія. Изъ книгъ Ветхаго Завѣта указывается на книгу Іова, Псалтирь, Притчи Соломона и книгу пророка Іереміи. Въ книгѣ Іова отмѣчается 14 гл., 14 ст., въ Псалтири 90 пс., 3 ст., въ Притчахъ Соломона 8 гл., 22 ст. и въ книгѣ пр. Іереміи 1 гл., 5 ст., какъ мѣста, ясно подтверждающія вѣру древнихъ Евреевъ въ палингенезисъ 17).

Посмотримъ, насколько основательны эти ссылки.

*) См. „Воскресное Чтеніе“ № 13.

16) Lutosławski Wincenty. Nieśmiertelność duszy. Warszawa. 1925.

17) Nieśmiertelność duszy. Стр. 238.

17-й стихъ 14-й главы книги Іова читается такъ: „Когда умретъ человѣкъ, то будетъ ли онъ опять жить? Во всѣ дни опредѣленнаго мнѣ времени я ожидалъ бы, пока придетъ мнѣ смѣна“.

Что послѣднее выраженіе сего стиха: „пока придетъ мнѣ смѣна“ указываетъ не на смѣну жизни въ смыслѣ перевоплощенія, но на смѣну земной жизни человѣка, исполненной трудовъ и болѣзней, смертію, это ясно видно изъ 5,6 и 12-го стиха той же 14-й главы. „Если Ты“, обращается праведный Іовъ къ Богу, „положилъ ему (т. е. человѣку) предѣлъ, котораго онъ не перейдетъ, то уклонись отъ него: пусть отдохнетъ, доколѣ не окончитъ, какъ наемникъ, дня своего“ (5—6 ст.). Итакъ человѣкъ подобно наемнику стоитъ на своемъ дѣлѣ. Смерть оканчиваетъ его день, т. е. жизнь, и освобождаетъ его отъ земныхъ трудовъ. „Такъ человѣкъ ляжетъ и не встанетъ, до скончанія неба онъ не пробудится и не воспрянетъ отъ сна своего“ (12 ст.). Какъ сильнѣе можно выразить еще мысль о томъ, что послѣ смерти другого рожденія для человѣка не будетъ?..

Пробужденіе человѣка отъ сна смерти послѣду-

дуетъ только при концѣ міра, т. е. во время всеобщаго воскресенія, о которомъ съ еще большею ясностію и торжественною увѣренностію говоритъ св. Іовъ въ концѣ 19 й главы: „А я знаю, Искупитель мой живъ, и Онъ въ послѣдній день возставитъ изъ праха распадающуюся кожу мою сію, и я въ плоти моей узрю Бога. Я узрю Его самъ; мои глаза, не глаза другого увидятъ Его“ (Іов. 19, 25—27). Ясно, что многострадальный Іовъ не утѣшалъ себя въ своихъ страданіяхъ вѣрою въ перевоплощеніе, но только вѣрою въ воскресеніе. И друзья не предлагали ему такого утѣшенія.

Еще менѣе можно видѣть хотя бы какой либо намекъ на палингенезисъ въ Псалтири, въ 3 ст. 90 го псалма, въ коемъ вообще исповѣдуется покровительство Божіе благочестивому человѣку: „Онъ избавитъ тебя отъ сѣти ловца, отъ гибельной язвы“ (3 ст.). Въ славянской Библіи: „отъ сѣти ловчи и отъ словесе мятежна“. Сѣтью ловчей и словомъ мятежнымъ, по толкованію св. Іоанна Златоуста, называется „всякое намѣреніе сдѣлать зло, которое смущаетъ душу увлекаемыхъ страстями и такимъ образомъ наказываетъ ихъ. Богъ избавляетъ насъ отъ него, когда мы къ нему прибѣгаемъ, потому что, не находя въ мірѣ ничего достойнаго какого либо сравненія съ Богомъ, мы не можемъ попасть въ сѣти удовольствій“ [18]).

Въ 22 ст. 8 й главы книги Притчей Соломона говорится объ Ипостасной Премудрости Божіей: „Господь имѣлъ Меня началомъ пути Своего прежде созданій Своихъ искони“. Ея Божественная природа болѣе ясно указывается съ 25-го стиха: „Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмовъ, когда еще Онъ не сотворилъ ни земли, ни полей, ни начальныхъ пылинокъ вселенной. Когда Онъ уготовлялъ небеса, я была тамъ“ (25—27 ст.). Премудрость должна имѣть Божественную природу, ибо Она предвѣчно рождается отъ Бога. Она „была при Немъ художницей“ (30 ст.), т. е. ближайшей выполнительницей всѣхъ плановъ Божіихъ при созданіи міра [19]). Эта Премудрость или Предвѣчное Слово Божіе впослѣдствіи по исполненіи временъ „стало плотію и обитало съ нами, полное благодати и истины“ (Іоан. 1, 14).

Читающему 8-ю главу книги Притчей Соломона объ этомъ воплощеніи Ипостасной Премудрости Божіей или второго Лица Пресвятыя Троицы и слѣдуетъ вспомнить, а не о перевоплощеніи человѣка, особенно же при чтеніи трехъ послѣднихъ стиховъ: 34, 35 и 36-го этой замѣчательной главы Библіи: „Блаженъ человѣкъ, который слушаетъ Меня, бодрствуя каждый день у воротъ Моихъ и стоя на стражѣ у дверей Моихъ! Потому что кто нашелъ Меня, тотъ нашелъ жизнь, и получитъ благодать отъ Господа. А согрѣшающій противъ Меня наноситъ вредъ душѣ своей: всѣ ненавидящіе Меня любятъ смерть“.

Да, согрѣшаетъ и наноситъ вредъ душѣ своей тотъ, кто, читая эту чудную главу Библіи, гдѣ въ такихъ величественныхъ образахъ и картинахъ изображается творческое и промыслительное дѣйствіе Ипостасной Премудрости Божіей въ мірѣ, читаетъ въ ней домыслы своей фантазіи, а не слово Божіе, какъ оно понимается соборнымъ разумомъ Церкви.

Въ 5 стихѣ 1-й главы книги пророка Іереміи читаемъ: „Прежде нежели Я образовалъ тебя во чревѣ, Я позналъ тебя, и прежде нежели ты вышелъ изъ утробы, Я освятилъ тебя: пророкомъ для народовъ поставилъ тебя“. Пророкъ Іеремія указываетъ въ этихъ словахъ на то, что на свое пророческое служеніе онъ призванъ былъ Самимъ Богомъ и что предназначеніе его къ этому служенію по предвѣдѣнію Божію о немъ совершилось еще прежде рожденія его. Такое ученіе о всевѣдѣніи Божіемъ проходитъ чрезъ всю Библію. Св. Ап. Павелъ учитъ, что Богъ, какъ всевѣдущій, и „несуществующее называетъ, какъ существующее“ (Рим. 7, 17). Посему и Авраама Онъ называетъ отцемъ множества народовъ въ то время, когда Авраамъ былъ еще бездѣтнымъ (Быт. 17, 4). И судія Еврейскаго народа Самсонъ назначается къ этому служенію еще до рожденія своего (Суд. 13, 5). Точно такъ же еще до рожденія Св. Іоанна Крестителя его отцу Захаріи было возвѣщено, что его сынъ будетъ Предтечей Господа (Лк. 1, 15 — 17). И Св. Ап. Павелъ говоритъ о себѣ, что онъ еще до рожденія своего призванъ Богомъ къ апостольскому служенію (Гал. 1, 15—16).

Итакъ въ приведенныхъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ (текстахъ) Библіи рѣчь идетъ о всевѣдѣніи Божіемъ, а не о перевоплощеніи человѣка.

Въ Евангеліи защитники теоріи перевоплощенія находятъ болѣе ясныя, по ихъ мнѣнію, свидѣтельства въ пользу этой теоріи. Въ Новомъ Завѣтѣ, говоритъ проф. Лютославскій [20]), есть много мѣстъ или выраженій, свидѣтельствующихъ о томъ, что среди людей, окружавшихъ Христа, вѣра въ палингенезисъ была распространена. Къ такимъ выраженіямъ относятся прежде всего: Мѳ. 16, 14; Мр. 8, 28 и Лк. 9, 8, 19.

Въ указанныхъ мѣстахъ Евангелія высказываются разные взгляды народа іудейскаго на Христа: одни считали Его за Іоанна Крестителя, другіе за Илію, иные за Іеремію или за одного изъ пророковъ.

Но можно ли въ этихъ сужденіяхъ народа еврейскаго о Христѣ видѣть вѣру сего народа въ перевоплощеніе? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить сказанное Евангелистомъ Лукою объ Иродѣ, который „недоумѣвалъ“ о Христѣ, ибо одни говорили, что это Іоаннъ возсталъ изъ мертвыхъ, другіе, что Илія явился, а иные, что одинъ изъ древнихъ пророковъ воскресъ“ (Лк. 9, 7—8).

Ясно, что рѣчь идетъ о воскресеніи изъ мертвыхъ, а не о перевоплощеніи. Народъ Еврейскій вѣрилъ въ воскресеніе тѣлъ, а не въ перевоплощеніе. Это видно и изъ другихъ мѣстъ Евангелія. Такъ, Господь говоритъ Марѳѣ, сестрѣ Лазаря: „воскреснетъ братъ твой“. И она Ему отвѣчаетъ: „знаю, что воскреснетъ въ воскресеніе, въ послѣдній день“ (Іоан. 11, 23—24). Видя чудеса Христовы, Іудеи склонны были считать Его за кого либо изъ древнихъ пророковъ, воскресшаго изъ мертвыхъ, а не вновь родившагося или перевоплотившагося. Народъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, „видѣлъ чудеса, превышающія силы человѣка, и почиталъ Христа человѣкомъ, хотя такимъ, который воскресъ изъ мертвыхъ, какъ говорилъ и Иродъ“ [21]). А къ пророку Иліи, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Свирскій [22]), вѣра въ воскресеніе пророковъ не могла быть приложена, ибо пророкъ Илія не умиралъ, но былъ взятъ живымъ на небо, какъ повѣствуется въ Библіи (4 Цар. 2, 11).

---

18) Твор. св. Іоанна Злат. т. 5, стр. 906.

19) Въ слав. переводѣ 22-й стихъ читается такъ: „Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя“. Выраженіе „созда“ есть неточный переводъ еврейскаго глагола „канѣни“, что значитъ „пріобрѣлъ“. Изъ дальнѣйшихъ стиховъ этой, т. е. 8-й главы особенно же 25 и 30-го стиха видно, что Премудрость имѣетъ Божественную природу, обладая творческою силою, присущею единому Богу, и потому Она не могла быть тварнымъ существомъ. Русскій переводъ: „имѣлъ Меня“... слѣдуетъ признать болѣе правильнымъ. Съ нимъ совпадаетъ и переводъ Лютера въ нѣмецкой Библіи: „Der Herr hat mich gehabt im Anfang Seiner Wege“.

20) Lutosławski Nieśmiertelność duszy. Стр. 299.

21) Творенія св. І. Злат. т. 7, стр. 553.

22) См. статью проф Свирскаго: „O palingenezie słów kilka“ въ журналѣ: „Kwartalnik theologiczny Wileński“. 1925. Стр. 125.

Посему о пророкѣ Иліи нельзя было сказать, что онъ возсталъ изъ мертвыхъ, а тѣмъ болѣе—что онъ родился вновь или перевоплотился. И вотъ въ Евангеліи изъ устъ Христа и іудеевъ мы слышимъ о пророкѣ Иліи, что ему „надлежитъ придти", что онъ „пришелъ" (Мѳ. 17, 10—20; Мр. 9, 13).

Но если Самъ Спаситель назвалъ Іоанна Крестителя Иліей, то не содержится ли здѣсь указанія на перевоплощеніе пророка Иліи? Конечно, нѣтъ, ибо, какъ сказано уже, и съ точки зрѣнія раздѣляющихъ ученіе о перевоплощеніи, послѣдняго нельзя прилагать ни къ пророку Иліи, ни къ Еноху, какъ не умиравшимъ, когда рѣчь идетъ о новомъ явленіи ихъ на землѣ. А почему Господь назвалъ Іоанна Крестителя Иліей, св. Іоаннъ Златоустъ изъясняетъ такъ: „предтечею второго Христова пришествія будетъ Илія, а предтечею перваго пришествія Его былъ Іоаннъ Креститель, котораго Христосъ называетъ Иліею не потому, что онъ былъ Илія, но потому что онъ совершалъ служеніе его. Когда Христосъ назвалъ Іоанна Иліею, то назвалъ по причинѣ сходства служенія" [23]) и самъ Іоаннъ Креститель на вопросъ: „ты Илія?" отвѣчалъ: „нѣтъ" (Іоан. 1, 21).

Имѣя въ виду слова Христовы: „И если хотите принять, онъ есть Илія, которому должно придти" (Мѳ. 11, 14), проф. Лютославскій говоритъ, что въ этихъ словахъ мы имѣемъ свидѣтельство Самого Христа о томъ, что пророкъ Илія воплотился снова [24]). Но св. Іоаннъ Златоустъ, а съ нимъ и вся Церковь Христова мыслятъ иначе: „Спаситель не напрасно сказалъ: „аще хощете пріяти", но чтобы показать, что Онъ не принуждаетъ ихъ. Я не принуждаю васъ, говоритъ Онъ. Этими словами Онъ требуетъ отъ нихъ самаго внимательнаго размышленія и показываетъ, что Іоаннъ есть Илія, и Илія—Іоаннъ: оба они приняли на себя одинаковое служеніе, оба были предтечами. Потому и сказалъ не просто: сей есть Илія, но: „аще хощете пріяти, сей есть", т. е. если будете смотрѣть со вниманіемъ на событія" [25]).

Изъ объясненія св. Іоанна Златоуста видно, что въ народѣ Еврейскомъ была вѣра въ воскресеніе нѣкоторыхъ людей прежде всеобщаго воскресенія, но не вѣра въ перевоплощеніе, и что въ наименованіи Іоанна Предтечи Иліей нѣтъ рѣчи объ индивидуальномъ тождествѣ этихъ двухъ лицъ, но только о духовномъ по сходству ихъ служенія.

Ясный намекъ на палингенезисъ его защитники видятъ далѣе въ обѣтованіи Христовомъ: „всякій, кто оставитъ домы, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради Имени Моего, получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную" (Мѳ. 19, 29; Мр. 10, 28 — 30; Лк. 18, 29—30). Если человѣкъ рождается на землѣ или воплощается нѣсколько разъ, какъ учатъ защитники этой теоріи, то понятно, что утрата одного отца, или матери, или жены, или дѣтей будетъ восполняться по закону перевоплощенія пріобрѣтеніемъ другого отца, матери, жены и т. д.

И если перевоплощеніе есть общій законъ человѣческой жизни, какъ учатъ теософы, то слѣдовательно всѣ люди могутъ разсчитывать на эти блага. Но въ такомъ случаѣ, какъ совершенно правильно судитъ проф. Свирскій, теряетъ свое значеніе и смыслъ самое обѣтованіе Христа, Который даетъ указанную награду людямъ за самоотверженное послѣдованіе Ему. Равнымъ образомъ непонятно было бы и то, для чего человѣку слѣдуетъ отрекаться отъ жены, дѣтей и т. д. въ одной жизни земной, чтобы получить ихъ въ другой [26]). Ссылаясь на этотъ Евангельскій текстъ, защитники теоріи перевоплощенія должны отказаться по крайней мѣрѣ отъ признанія всеобщности открытаго ими закона перевоплощенія.

Все ученіе Христово не даетъ основанія понимать это обѣтованіе Его въ смыслѣ палингенезиса, хотя по толкованію св. Іоанна Златоуста его можно понимать и въ смыслѣ благъ земной жизни: „Христосъ, обѣщая настоящія блага, увѣряетъ въ будущихъ" [27]).

Что же касается слова „палингенесіа", которое употреблено въ греческомъ текстѣ Евангелія отъ Матѳея (19, 28) въ словахъ Христа: „вы послѣдовавшіе за Мною въ паки бытіи (ἐν τῇ παλιγγενεσίᾳ)", то употребленіе этого термина не даетъ еще основанія заключать, какъ думаетъ проф. Лютославскій, что Христосъ говоритъ здѣсь о перевоплощеніи Своихъ учениковъ [28]). Въ какомъ значеніи употреблено здѣсь это слово, видно изъ дальнѣйшей рѣчи Христовой, которая служитъ поясненіемъ словъ: ἐν τῇ παλιγγενεσίᾳ. Эта рѣчь слѣдующая: „Когда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ" (28 ст.). Такимъ образомъ слово: палингенесія—пакибытіе употреблено въ данномъ мѣстѣ въ значеніи жизни будущаго вѣка, которая начнется со второго пришествія Христова. Его ученики будутъ участвовать въ небесной славѣ, ибо престолы не означаютъ сѣдалища, но ими означается неизреченная слава, честь. „Аще терпимъ, говоритъ Апостолъ, съ Нимъ и воцаримся" (2 Тим. 2, 12) [29]).

Въ обѣтованіи Христовомъ, которымъ заканчивается Его притча о дѣлателяхъ въ виноградникѣ: „Такъ будутъ послѣдніе первыми и первые послѣдними" (Мѳ. 20, 16), проф. Лютославскій видитъ новое доказательство на страницахъ Евангелія палингенезиса [30]), который жизнь человѣческую мыслитъ въ видѣ круговорота или смѣны существованій. Но смыслъ всей этой притчи и ея заключительныхъ словъ совсѣмъ другой. „Для чего такъ изображена эта притча и какая цѣль ея"?—спрашиваетъ св. Іоаннъ Златоустъ. „Та, чтобы сдѣлать ревностнѣйшими людей, которые въ глубокой старости перемѣняютъ образъ жизни и становятся лучшими, чтобы освободить ихъ отъ того мнѣнія, будто они ниже другихъ въ царствѣ небесномъ". Притча эта, говоритъ онъ, „сказана какъ для тѣхъ, которые въ первомъ возрастѣ своей жизни, такъ и для тѣхъ, которые въ старости и позже начали жить добродѣтельно: для первыхъ, чтобы они не возносились и не упрекали тѣхъ, кто пришелъ въ одиннадцатый часъ; для послѣднихъ, чтобы они познали, что и въ короткое время можно все пріобрѣсти" [31]).

Не понятно, какъ въ защиту разсматриваемой теоріи можно ссылаться еще на слова Христовы: „Сберегшій душу свою потеряетъ ее; а потерявшій душу свою ради Меня сбережетъ ее" (Мѳ. 10, 39; Мр. 8, 35; Лк. 9, 24; Іоан. 12, 25). По нашему пониманію этихъ словъ Евангелія, основанному на ученіи Церкви, и ясныхъ изъ самого текста, здѣсь рѣчь идетъ о вѣчномъ спасеніи человѣка („сохранитъ ее, т. е. душу) въ жизнь вѣчную" (Ін. 12, 25), и о возможности утратить это спасеніе, когда человѣкъ работаетъ своимъ страстямъ, когда онъ „исполняетъ неумѣстныя пожеланія своей души, угождаетъ ей больше,

23) Твор. св. І. Злат. т. 7, стр. 585.
24) Lutosławski. Nieśmiertelność duszy. Стр. 300.
25) Твор. св. І. Злат. т. 7, стр. 406.
26) Prof. Świrski. O palingenezie słów kilka. Kwart. Teolog. Стр. 130.
27) Твор. св. Іоанна Злат. т. 7, Стр. 652.
28) Lutosławski. Nieśmiertelność duszy. Стр. 300.
29) Твор. св. І. Злат. т. 7, стр. 653.
30) Nieśmiertelność duszy. Стр. 300.
31) Твор. св. І. Злат. т. 7, 656.

чѣмъ должно, ходитъ вслѣдъ похотей души своей" (Сир. 18, 30) [32]).

Но, вѣдь, съ точки зрѣнія разбираемой гипотезы человѣку не угрожаетъ утрата вѣчнаго спасенія. Черезъ болѣе или менѣе длинный рядъ перерожденій или перевоплощеній, путемъ эволюціи каждый человѣкъ дойдетъ до цѣли своей жизни. Надежда на многократное возвращеніе человѣка на землю чрезъ рядъ перевоплощеній даетъ временнымъ цѣлямъ значеніе вѣчное, давая всякому человѣку возможность достигнуть Царства Божія на землѣ [33]). А если такъ, то нельзя ссылаться на вышеуказанныя слова Евангелія, гдѣ рѣчь идетъ о самоотреченіи, о послѣдованіи Христу въ духовно-нравственномъ подвигѣ, о непривязанности къ настоящей земной жизни, а также и о возможности для человѣка, чрезмѣрно привязаннаго къ земной жизни, лишиться вѣчнаго спасенія.

Точно также не понятно, какимъ образомъ указаніе на палингенезисъ можно находить въ бесѣдѣ Христа Спасителя съ Никодимомъ о духовномъ возрожденіи человѣка (Іоан. 3, 3 — 13). Если бы Никодимъ вѣрилъ въ перевоплощеніе человѣка, то развѣ онъ спрашивалъ бы Христа о томъ, „какъ можетъ человѣкъ вновь родиться, будучи старъ? Неужели можетъ онъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться" (Іоан. 3, 4)? Вѣдь такое именно повторное и вообще многократное рожденіе человѣка и предполагается вѣрою въ перевоплощеніе. Но для Никодима, неправильно понявшаго рѣчь Спасителя, оно представляется невозможнымъ. Слѣдовательно, ни онъ, ни іудеи его времени не вѣрили въ перевоплощеніе.

А если бы Христосъ признавалъ такое ученіе правильнымъ, то на поставленный Никодимомъ вопросъ: „какъ можетъ человѣкъ вновь родиться, будучи старъ?"—Онъ далъ бы ему не тотъ отвѣтъ, который читаемъ въ Евангеліи. Онъ сказалъ бы Своему ученику не о рожденіи отъ воды и Духа, но повелъ бы рѣчь о плотскомъ рожденіи, которое можетъ повторяться нѣсколько разъ. Но Христосъ не объ этомъ рожденіи говоритъ ему, но о другомъ, не имѣющемъ ничего общаго съ нимъ, ибо „рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ духа есть духъ" (Іоан. 3, 6).

Вся бесѣда Спасителя съ Никодимомъ говоритъ противъ палингенезиса, а не въ защиту его.

Слова Христовы: „просите, и дано будетъ вамъ; ищите, и найдете; стучите, и отворятъ вамъ" (Мѳ. 7, 7; Мр. 11, 27), по мнѣнію проф. Лютославскаго, имѣютъ смыслъ только при наличіи многихъ земныхъ жизней для одного человѣка (przy wielości żywotów), ибо въ обѣтованіи Христовомъ рѣчь идетъ о благахъ матеріальныхъ, а между тѣмъ во время одной жизни человѣка его прошенія объ этихъ благахъ остаются неудовлетворенными. Если же все, о чемъ мы просимъ, будетъ намъ дано, согласно обѣтованію Христову, но не все просимое мы получаемъ въ настоящей нашей жизни, то, значитъ, оно будетъ дано намъ впослѣдствіи, т. е. во время другой нашей жизни земной [34]).

Но только при полномъ незнаніи духа Евангелія, какъ справедливо замѣчаетъ проф Свирскій [35]), можно давать такое толкованіе этимъ словамъ Христовымъ. Ибо, уча насъ самоотверженію, крестоношенію, отреченію отъ земныхъ благъ, могъ ли Христосъ поощрять насъ просить о благахъ чисто земныхъ и временныхъ и обѣщать безусловно исполненіе такихъ нашихъ просьбъ?..

И прошенія молитвы Господней, и заповѣди блаженствъ, и наставленіе Христово не говорить во время молитвы лишняго, какъ дѣлаютъ язычники (Мѳ. 6, 7), подробно перечисляя свои житейскія и хозяйственныя нужды, такъ какъ Отецъ небесный знаетъ, въ чемъ мы имѣемъ нужду „прежде нашего прошенія у Него" (Мѳ. 6, 8), и заповѣдь Христова: „ищите прежде Царствія Божія и правды Его, и это все приложится вамъ" (Мѳ. 6, 33)—указываютъ на то, о чемъ нужно главнымъ образомъ молиться христіанину. Но для того, чтобы такая молитва была услышана и было даровано человѣку потребное и просимое, достаточно ему и одной жизни земной и совсѣмъ не требуется допускать цѣлый рядъ такихъ жизней.

Кромѣ того, многія мѣста въ Евангеліи и въ ученіи Христовомъ свидѣтельствуютъ о томъ, что молитва человѣка бываетъ скоро услышана Богомъ, если она сопровождается крѣпкою вѣрою. Благоразумному разбойнику не потребовалась другая земная жизнь, чтобы получить то, о чемъ онъ молился на крестѣ. Ту же истину доказываетъ исцѣленіе Спасителемъ прокаженнаго (Мѳ. 8, 5 — 10), разслабленнаго и другія чудесныя исцѣленія недуговъ людскихъ, о коихъ (исцѣленіяхъ) упоминается въ Евангеліи.

Исцѣленію Христомъ Спасителемъ слѣпорожденнаго предшествовалъ вопросъ со стороны учениковъ Христовыхъ: „Равви! Кто согрѣшилъ, онъ или родители его, что родился слѣпымъ?" Іисусъ отвѣчалъ: „не согрѣшилъ ни онъ, ни родители его, но это для того, чтобы на немъ явились дѣла Божіи" (Іоан. 9, 2—3).

Въ этомъ вопросѣ и отвѣтѣ защитникамъ палингенезиса представляется особенно ясно выраженною въ Евангеліи мысль о перевоплощеніи человѣка. Ибо если слѣпорожденный могъ грѣшить до своего рожденія или появленія на землѣ, то слѣдовательно онъ жилъ на землѣ уже раньше и тогда могъ грѣшить. И отвѣтъ Христа, говорятъ защитники теоріи перевоплощенія, показываетъ, что возможность грѣха до рожденія человѣка Имъ вообще не отвергается, но отрицается только причинная связь между грѣхомъ и слѣпотою у слѣпорожденнаго. Мы видимъ, говоритъ г-жа Безантъ, учениковъ Христа, подразумѣвавшихъ перевоплощеніе человѣка, когда они спрашиваютъ Христа, въ наказаніе ли за грѣхи этотъ человѣкъ родился слѣпымъ. Іисусъ, отвѣчая, не отвергаетъ возможности грѣха прежде рожденія. Но Онъ довольствуется только устраненіемъ его, какъ причины слѣпоты въ данномъ случаѣ [36]).

Хотя существуютъ разныя толкованія этого текста Евангельскаго, но видѣть въ немъ указаніе на вѣру учениковъ Христовыхъ въ перевоплощеніе человѣка нѣтъ основанія, ибо такая вѣра не подтверждается другими мѣстами Евангелія. Апостолы, предлагая Спасителю свой вопросъ о грѣхѣ слѣпорожденнаго, могли находиться, говоритъ проф. Свирскій, въ томъ самомъ заблужденіи, въ какомъ были друзья Іова, думавшіе, что болѣзнь и другія несчастія, постигшія Іова, были слѣдствіемъ его собственныхъ грѣховъ. Но ученики Христовы, желая получить отъ Него обстоятельный отвѣтъ на свой вопросъ, присоединили къ нему еще и другой вопросъ о возможности грѣха родительскаго [37]).

Можно принять и такое истолкованіе этого текста. Но болѣе естественное и правильное находимъ у св. Іоанна Златоуста: „Прежде исцѣливъ разслаблен-

32) Твор. Св. І. Злат. т. 8, стр. 449.
33) Lutosławski. Nieśmiertelność duszy. Стр. 316.
34) Lutosławski. Nieśmiertelność duszy. Стр. 300—301.
35) O palingenezie słów kilka. Kwartalnik Teologiczny. Стр. 131.
36) Annie Besant. La sagesse antique. Стр. 46.
37) Prof. Swirski. O palingenezie słów kilka. Kwart. Teolog. Стр. 129.

наго, Христосъ сказалъ: се здравъ еси, ктому не согрѣшай (Іоан. 5, 14). Итакъ, вспомнивъ, что тотъ разслабленъ былъ за грѣхи, они (т. е. ученики Христовы) говорятъ: пусть тотъ разслабленъ былъ за грѣхи; но что Ты скажешь объ этомъ? Онъ ли согрѣшилъ? Но этого нельзя сказать, потому что онъ слѣпъ отъ рожденія. Или родители его? Но нельзя и этого сказать, потому что сынъ не наказывается за отца. Такимъ образомъ, какъ мы, когда видимъ страждущее дитя и говоримъ: что сказать о немъ, что сдѣлало это дитя?—этимъ не спрашиваемъ, но выражаемъ недоумѣніе, такъ точно и ученики, когда говорили это, не столько спрашивали, сколько недоумѣвали. Что же Христосъ? „Ни сей согрѣши, ни родители его". Этимъ, впрочемъ, онъ не освобождаетъ ихъ отъ грѣховъ, ибо не просто сказалъ: „ни сей согрѣши, ни родители его", но присовокупилъ: „яко слѣпъ родися". Но да прославится Сынъ Божій. Согрѣшилъ и онъ, и родители его; но не въ этомъ причина слѣпоты [38]).

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Д. Ц.

Молитва въ русской поэзіи.

Высшимъ проявленіемъ религіозной настроенности человѣка служитъ молитва. Въ молитвенномъ настроеніи соединяются вмѣстѣ всѣ тѣ отдѣльныя начала, изъ которыхъ складывается въ душѣ религіозная жизнь, соединяются тѣснѣйшей и самой неразрывной связью. Тутъ и живая вѣра и крѣпкая надежда и сильная любовь. Правда, при неправильномъ развитіи религіозной жизни можно наблюдать различныя уклоненія отъ этой нормы И такъ становится возможнымъ богомысліе безъ соотвѣтствующей ему нравственной жизни и извѣстная нравственная высота, нравственное развитіе, не основывающееся на опредѣленныхъ догматическихъ религіозныхъ основаніяхъ. Съ одной стороны, по свидѣтельству Св. Писанія: „и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ", съ другой,—и мораль есть такъ называемая утилитарная, гуманистическая и т. п. вовсе не имѣющая своимъ основаніемъ религіозныхъ началъ. Но это религіозность ненормально развитая, одностороння. Истинная религіозность слагается изъ гармоническаго соединенія всѣхъ элементовъ религіи, и лучшимъ выраженіемъ ея служитъ молитва.

Обращаясь къ русскимъ поэтамъ, мы находимъ почти у каждаго изъ нихъ стихотворенія молитвеннаго характера. Всѣ поэты болѣе или менѣе выдающихся дарованій были не чужды этого возношенія ума и сердца къ Богу. Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Козловъ, Языковъ, Глинка, Бенедиктовъ, Вяземскій, Огаревъ, Жадовская, Щербина, Тютчевъ, А. Толстой, Майковъ, Полонскій, Фетъ, Розенгеймъ, Хомяковъ, Апухтинъ, Жемчужниковъ, Ладыженскій, Надсонъ, К. Р., Плещеевъ, Пальминъ и др. дали намъ стихотворенія молитвеннаго содержанія. Видно, ни одинъ изъ нихъ не былъ чуждъ религіозной жизни, напротивъ каждый изъ нихъ переживалъ временами напряженныя религіозныя настроенія, подобно тѣмъ „отцамъ пустынникамъ и женамъ непорочнымъ", которые оставили послѣ себя „множество божественныхъ молитвъ" [1]), вошедшихъ въ церковное употребленіе.

Поэтическія произведенія, проникнутыя молитвеннымъ настроеніемъ, получаютъ тѣмъ большее значеніе, тѣмъ рѣшительнѣе свидѣтельствуютъ о религіозномъ развитіи ихъ авторовъ, что нѣтъ поводовъ заподазривать ихъ неискренность. Важность искренности въ данномъ случаѣ подчеркиваютъ и сами поэты. Недаромъ многихъ изъ нихъ привлекали молитвы дѣтей, какъ образцовыя по живости вѣры, искренности и неподдѣльности чувства, и высотѣ душевнаго настроенія, которыя уже далеко не такъ доступны людямъ взрослымъ, искушеннымъ жизнью. У ребенка не можетъ быть такихъ минутъ, когда, подъ вліяніемъ душевной тяготы, молитвы невозможны, онъ никогда не можетъ сказать о себѣ съ Никитинымъ:

Бываютъ минуты, тоскою убитый,
На ложѣ безъ сна я лежу,
И нѣтъ на устахъ моихъ теплой молитвы,
И съ грустью на образъ святой я гляжу [2]).

Дѣтямъ совершенно чужды сложныя душевныя настроенія: у нихъ нѣтъ мѣста душевной борьбѣ, состояніе сомнѣнія, которое часто разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на религіозные порывы взрослаго человѣка, имъ не сродно. Полноту дѣтской вѣры, столь благопріятную для возникновенія молитвеннаго настроенія, Никитинъ изображаетъ такъ:

Молись, дитя: сомнѣнья камень
Твоей груди не тяготитъ!
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовію горитъ.
Молись, дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И отвѣчать тебѣ готовъ [3]).

Такая полнота религіознаго настроенія, такое объединеніе въ молитвѣ вѣры, надежды и любви всегда могутъ служитъ идеаломъ для людей взрослыхъ. Душевная жизнь дѣтей цѣльнѣе чѣмъ у взрослыхъ, всякое душевное движеніе ихъ захватываетъ глубже, и при молитвѣ имъ легче отъ всей души—всѣмъ сердцемъ, всею мыслію, всѣмъ разумѣніемъ обращаться къ Богу. Поэтому Жемчужниковъ, напр., съ такой теплотой вспоминаетъ чистыя и глубоко захватывавшія нѣжную душу дѣтскія и отроческія молитвы:

О сладкія молитвенныя слезы!
Я ихъ знавалъ. Мнѣ памятны онѣ
Ужъ никогда я послѣ такъ не плакалъ,
Какъ въ юности восторженной моей [4]).

И въ прочіе возрасты молитва тогда особенно цѣнна, когда она всецѣло захватываетъ человѣка и исходитъ изъ настроенія, подобнаго дѣткому. Многіе поэты, сохраняя теплое воспоминаніе о своихъ дѣтскихъ молитвахъ, именно въ нихъ видѣли причину того, что въ зрѣлыхъ годахъ сохранили среди житейскихъ треволненій религіозное настроеніе. Кругловъ, напр., въ одномъ стихотвореніи говорить, что молиться его научила мать въ дѣтскіе годы:

Въ дѣтствѣ мать меня учила
Каждый день читать молитвы...

Дальнѣйшая жизнь съ соблазнами и житейскими битвами разсѣяла въ немъ это религіозное настроеніе, однако все же

---

38) Твор. св. І. Злат. т. 8, стр. 365.

1) Стих. Пушкина: „Молитва."
2) Стих. Никитина; „Сладость молитвы".
3) Стих. Никитина: „Молитва дитяти".
4) Стих. Жемчужникова: „Ранняя весна".

Посѣянное въ душу
Въ тѣ младенческіе годы
Не погибло и ростками
Показалось въ дни невзгоды[5]).

И другой поэтъ Жемчужниковъ въ тѣхъ же условіяхъ своего воспитанія видѣлъ основаніе своей религіозности на склонѣ лѣтъ:

На утренней зарѣ духовной жизни
Я возлюбилъ ученіе Христа,
И мыслію и сердцемъ умиленнымъ.
Онъ юнаго училъ меня любить
Всѣхъ страждущихъ и всѣхъ обремененныхъ...
Чѣмъ былъ бы я на старости—какъ знать?
Когда бъ въ тѣ дни евангельскаго слова
Не снизошла мнѣ въ сердце благодать?. 6)

Такимъ образомъ, идеаломъ молитвы для взрослаго человѣка должна быть молитва дѣтская. Отсюда естественно всякому человѣку желать и стремиться сохранить въ себѣ это высокое дѣтское настроеніе. Съ такимъ именно пожеланіемъ обращается Никитинъ къ молящемуся ребенку:

Молись, дитя, мужай съ лѣтами.
И дай Богъ въ пору позднихъ лѣтъ
Такими жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ![7])

Взрослый человѣкъ, постоянно вращаясь въ области матеріальныхъ интересовъ, принимая ихъ близко къ сердцу, легко теряетъ чистоту своего настроенія, всей душой погружаясь въ мелочи жизни. Въ душѣ такого человѣка могутъ совершенно замереть порывы къ небу. Клюшниковъ, оставившій намъ нѣсколько стихотвореній, проникнутыхъ искреннимъ религіознымъ настроеніемъ, временами, по его словамъ, былъ поставленъ въ такія условія жизни, что какъ-бы совершенно утрачивалъ способность молиться и глубоко сожалѣлъ объ этой утратѣ. Онъ говорилъ:

Давно, давно въ грязи земныхъ страстей
Я затопилъ святыя побужденья,
И рѣдко видятся мнѣ свѣтлыя видѣнья
Дней свѣтлыхъ юности моей.
Душа болитъ... Порокомъ и сомнѣньемъ
Омрачена святыня красоты.
Я не молюсь, съ расчетомъ и презрѣньемъ
Влача ярмо житейской суеты[9]).

Такимъ образомъ, увлеченный низменными привязанностями и интересами человѣкъ не можетъ проникаться искренними молитвенными чувствами, несмотря на то, что у него болитъ душа подъ вліяніемъ такой жизни.

И другой поэтъ, Кругловъ, указывалъ подобную же причину отсутствія въ своей душѣ молитвеннаго настроенія:

Въ соблазнахъ шумной жизни
И въ пылу житейской битвы
Разучился я молиться,
Находить отраду въ храмѣ,
Въ пѣснопѣніяхъ священныхъ,
Въ блескѣ свѣчъ и ѳиміамѣ.[10])

Молитва—явленіе не первичное и возможна только тогда, когда есть основа для нея—искреннее религіозное настроеніе. Итакъ въ виду всего вышеказаннаго молитва возможна не всегда? Нѣтъ, отвѣчаютъ поэты, она всегда возможна. Какъ всѣми душевными движеніями, такъ и молитвеннымъ настроеніемъ человѣкъ можетъ управлять совершенно свободно: Есть, правда, настроенія, препятствующія молитвенному обращенію человѣка къ Богу, но человѣкъ—господинъ ихъ и можетъ свободно удалить отъ себя всѣ мысли и чувства, которыя не даютъ ему спокойно молиться. Многіе поэты отмѣчаютъ эту свободу человѣка въ дѣлѣ молитвеннаго обращенія къ Богу, прося другихъ молиться и т. д. „Молись, дитя: тебѣ внимаетъ Творецъ безчисленныхъ міровъ". „Ты вставай, во мракѣ спящій братъ! Освяти молитвой часъ полночи"... „Молись, даетъ молитва крылья душѣ, прикованной къ землѣ"... „Помолись о тѣхъ, кто крова не имѣетъ"...—всѣ эти и множество подобныхъ имъ выраженій у разныхъ поэтовъ указываютъ на то, что молитву и молитвенное настроеніе они признавали явленіями совершенно свободными, зависящими отъ доброй воли самого человѣка. Свое настроеніе безразличія разсѣять можетъ самъ человѣкъ, а такимъ образомъ и молитву можетъ сдѣлать доступною для себя во всякій данный моментъ.

Молитвенное настроеніе можетъ выливаться въ безконечно разнообразныя формы, и содержаніе молитвъ, подражаемыхъ живою религіозною мыслію и чувствомъ, можетъ быть безконечно разнообразно. Таковы общеупотребительныя церковныя молитвы. Многія изъ нихъ первоначально были составлены по тѣмъ или инымъ личнымъ поводамъ, встрѣтившимся въ жизни ихъ авторовъ, для того, «чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны, чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ»[11]) Отсюда не во внѣшней формѣ молитвы все значеніе ея и поэты даже предостерегаютъ молящихся отъ употребленія при молитвахъ излишнихъ словъ, какъ не имѣющихъ существеннаго значенія. Такъ К. Р. говоритъ:

Когда ты молишься, не трать
Излишнихъ словъ: но всей душой
Старайся съ вѣрой сознавать,
Что слышитъ Онъ, что Онъ съ тобой.
Что для Него слова?—О чемъ,
Счастливый сердцемъ иль скорбящій,
Ты ни помыслилъ бы,—о томъ
Ужель не вѣдаетъ Всезрящій?
Любовь къ Творцу въ душѣ твоей
Горѣла бъ только неизмѣнно,
Какъ предъ иконою священной
Лампады теплится елей.[12])

Въ какомъ бы состояніи человѣкъ ни обращался къ Богу,—всегда для него это обращеніе сопровождается радостью, обновленіемъ его души, умиротвореніемъ его возмущенныхъ чувствъ, просвѣтлѣніемъ омраченныхъ мыслей. Видя зажженныя кѣмъ-то изъ молящихся свѣчи въ храмѣ и вѣря, что это—приношеніе отъ чистаго сердца, Майковъ выражаетъ рѣшительное убѣжденіе, что молитва принесшаго этотъ даръ Богу не проходитъ безслѣдно для него. Онъ говоритъ:

Дорогъ мнѣ передъ иконой
Въ свѣтлой ризѣ золотой
Этотъ ярый воскъ, возженный
Чьей невѣдомо рукой...
Знаю я—свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ:
Чье-то горе утихаетъ,
Кто то слезы тихо льетъ.
Свѣтлый ангелъ упованья
Пролетаетъ надъ толпой...

5) Стих. Круглова: „Въ дѣтствѣ мать меня учила".
6) Стих. Жемчужникова: „Ранняя весна".
7) Стих. Никитина Молитва дитяти".
8) Стих. Клюшникова „Ночная молитва".
9) Стих. Круглова: „ Въ дѣтствѣ мать меня учила".
10) Стих. Пушкина: „Молитва".
11) Стих. К. Р.: „Молитва".
12) Стих. К. Р.: „Молитва".

Если молитва возносится отъ чистаго сердца, то независимо отъ того, кому она принадлежитъ, каковъ былъ ближайшій поводъ къ ней, цѣль и результатъ ея всегда одинъ и тотъ же: отрѣшиться отъ всего земного и проникнуть своимъ духовнымъ взоромъ въ иной міръ. Въ слѣдующихъ строкахъ стихотворенія поэтъ говоритъ:

Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой:
Это бѣдный грошъ вдовицы,
Это лепта бѣдняка,
Это... можетъ быть.. убійцы
Покаянная тоска...
Это свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность глянувшей души.

По заповѣди Спасителя, христіане должны молиться постоянно, при всякихъ обстоятельствахъ жизни, во всякомъ положеніи, во всякое время. Вяземскій въ стихотвореніи: „Молись", имѣя въ виду важность молитвы во всякое время, даетъ такой совѣтъ:

И въ ясный день, и подъ грозою,
Навстрѣчу счастья иль бѣды,
И пронесется-ль надъ тобою
Тѣнь облака, иль лучъ звѣзды,
Молись! Молитвою святою
Въ насъ зрѣютъ тайные плоды.

Непрочность всего земного и особенно радостей міра сего сильнѣй побуждаютъ человѣка искать опоры уясненія смысла жизни внѣ законовъ здѣшняго міра, за предѣлами всего видимаго, тѣмъ болѣе что подобныя попытки никогда не обманываютъ человѣка и ничего не даютъ ему, кромѣ искомаго удовлетворенія.

Если жизнь тебя измучитъ
И умъ и сердце возмутитъ,
Если жизнь роптать научитъ,
Любовь и вѣру погаситъ,
Приникни съ жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми.

Такъ совѣтуетъ Никитинъ въ стихотвореніи: „Молитва дѣтямъ". Классическое стихотвореніе „Молитва" Лермонтова написано на ту же тему о великомъ значеніи молитвы для сохраненія душевнаго мира при житейскихъ невзгодахъ:

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится и плачется,
И такъ легко, легко.

Изъ всѣхъ несчастій, постигающихъ человѣка, изъ событій, доступныхъ его наблюденію, ближе всего подводитъ его къ той завѣсѣ, которая отдѣляетъ людей отъ вѣчности, смерть, постигающая кого-нибудь изъ близкихъ ему людей. Передъ ней онъ глубже всего чувствуетъ тщету всего мірского, съ одной стороны, и съ другой—близость иного, загробнаго міра. Смерть, постигшая близкаго человѣка, навѣяла на Апухтина такія думы:

Только что тихіе дни засіяли,
Смерть на порогѣ... откуда? зачѣмъ?
Съ воплемъ безсилія, съ крикомъ печали,
Онъ повалился недвижимъ и нѣмъ.
Вотъ онъ, смотрите, лежитъ безъ дыханія
Боже! Къ чему онъ родился и росъ?
Эти сомнѣнья, измѣны, страданья,
Боже! Зачѣмъ же онъ ихъ перенесъ?!

Для всѣхъ живыхъ, которымъ онъ былъ дорогъ, осталось теперь одно утѣшеніе — глубже проникнуть въ высшія цѣли жизни, не замыкать свои мысли и чувства въ предѣлы видимаго, перенестись духомъ въ тотъ міръ, куда отошелъ усопшій, молиться и надѣяться, что тамъ онъ получитъ то, чего не достигъ здѣсь:

Скоро нещадное, грязное тлѣнье
Ляжетъ печатью на немъ роковой,
Дай ему, Боже, грѣховъ отпущенье,
Дай ему вѣчный покой!
Вѣчный покой отстрадавшему много томительныхъ лѣтъ!
Пусть осіяетъ раба твоего нескончаемый свѣтъ!
Дай ему, Господи, дай ему, наша защита покровъ,
Вѣчный покой со святыми Твоими во вѣки вѣковъ!..[13])

Участіе въ общественной молитвѣ даетъ человѣку, кромѣ чисто религіознаго утѣшенія, отрадное сознаніе духовнаго единенія съ людьми. Молясь въ томъ храмѣ, гдѣ молились до него тысячи людей и искали утѣшенія въ своихъ скорбяхъ, человѣкъ до извѣстной степени можетъ сродниться съ ними, въ своей молитвѣ невольно присоединяетъ прошеніе и объ этихъ близкихъ ему людяхъ. Некрасовъ прекрасно изобразилъ это значеніе родного храма. Онъ, однажды, переживая тяжелое состояніе духа, думалъ разсѣять его среди чужой ему природы и жизни, искалъ примиренья со своимъ горемъ внѣ своей родины. Но эта попытка оказалась безуспѣшной: кромѣ сознанія своего одиночества, онъ не вынесъ оттуда ничего.

За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего
Искалъ я примиренья съ горемъ
И не нашелъ я ничего.

Вернувшись въ Россію и ощутивъ вѣяніе родного воздуха, видя кругомъ родную страну, милыя сердцу родныя поля, воздѣланныя руками родного народа, онъ сразу же почувствовалъ облегченіе своихъ душевныхъ мукъ. Его вниманіе остановилъ на себѣ мелькнувшій на горѣ сельскій храмъ и какой-то неземной голосъ шепталъ ему, что здѣсь, въ родномъ храмѣ, легче всего разсѣять свое горе, какъ дѣлали тысячи людей изъ его родного народа.

Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
„Лови минуты умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!"

13) Стих. Апухтина: „Реквіемъ".

Объединиться съ чуждыми по духу людьми, найти сочувствіе своимъ душевнымъ мукамъ тамъ, на чужбинѣ, поэтъ не могъ и мысли его остановились на этомъ родномъ храмѣ. Онъ вспомнилъ, что храмъ этотъ служилъ всегда источникомъ, изъ котораго черпали утѣшеніе русскіе люди, и въ немъ самомъ оживилась надежда почерпнуть душевную бодрость въ единеніи съ своимъ народомъ, въ его храмѣ. Поэтъ думалъ:

Храмъ воздыханья, храмъ печали
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжелѣ стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...

Поэтъ проникся этими мыслями и усердно молился о своемъ горѣ Богу, Который внималъ молитвамъ родного народа:

Я внялъ... Я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ.
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ[14]).

И Майковъ отмѣчаетъ громадное значеніе объединяющаго начала общественной молитвы. По его словамъ:

Когда гонимъ тоской неутомимой
Войдешь во храмъ и станешь тамъ въ тиши,
Потерянный въ толпѣ необозримой
Какъ часть одной страдающей души:
Невольно въ ней твое потонетъ горе,
И чувствуешь, что духъ твой вновь влился
Таинственно въ свое родное море
И заодно съ нимъ рвется въ небеса.

Такимъ образомъ устанавливается самое тѣсное общеніе всѣхъ молящихся другъ съ другомъ и общеніе не внѣшнее только, но и, такъ сказать, органическое, духовное, состоящее въ общности душевныхъ движеній. Это общеніе можетъ быть поддерживаемо не только съ живыми, молящимися одновременно, но и съ тѣми, которые когда то давно входили въ храмъ и молились въ немъ.

Въ старинный этотъ храмъ стекались для молитвы
Отцы и прадѣды во дни народныхъ бѣдъ,
Просили помощи себѣ на полѣ битвы,
Отчизнѣ страждущей—счастливыхъ мирныхъ лѣтъ.
Въ теченіе вѣковъ протекшихъ милліоны
Здѣсь передъ Господомъ склонилися во прахъ:
Здѣсь раздавалися рыданія и стоны,
И пѣснь хвалебная гремѣла въ высотахъ[15])

Все это невольно встаетъ, какъ живое, въ мысляхъ поэта, душа котораго тоже рвется въ небеса, витаетъ въ той-же вѣчности, къ которой такъ близки были здѣсь въ минуты своихъ моленій отцы и прадѣды. Поэтъ заканчиваетъ:

Въ соборѣ тишина. Но мнится мнѣ невольно
Что въ мигъ, когда я здѣсь скорбящій и больной,
Передъ иконами склоняюсь богомольно,
Въ молитвѣ искренней сливаются со мной
Отцовъ и прадѣдовъ витающія тѣни,
Какъ встарь, о родинѣ рыдая и стеня,
И ради ихъ мольбы и ради ихъ мученій,
Господь моленіе пріемлетъ отъ меня.

А Пальминъ въ своемъ стих.: „На улицѣ нашей, межъ новенькихъ зданій“, такъ говоритъ объ этомъ духовномъ общеніи съ прошлымъ:

Въ церкви царитъ полусумракъ священный;
Въ мерцаніи блѣдномъ лампадъ,
Сверкая оправой своей драгоцѣнной,
Угодниковъ лики глядятъ.
И много старинныя эти иконы
Здѣсь видѣли слезъ и скорбей,
И слышали горя сердечные стоны,
Внимая молитвѣ людей.
Тамъ часто подъ древней церковною аркой,
При запахѣ ладана, мнѣ
Въ мечтахъ рисовалось картиною яркой,
Что было давно въ старинѣ.

Таково у русскихъ поэтовъ значеніе молитвы и храма въ религіозномъ общеніи человѣка съ Богомъ. Значеніе это искони сознавалось человѣчествомъ и потому нигдѣ никогда не было создано столько благотворительныхъ учрежденій любви и милосердія къ людямъ, сколько храмовъ—общественныхъ домовъ молитвы.

14) Стих. Некрасова: „Тишина“.
15) Стих. Круглова: „Въ Успенскомъ соборѣ“.

Церковная жизнь

Въ жизни Православной Церкви въ Россіи произошло событіе, которое должно произвести радостное впечатлѣніе на весь христіанскій міръ—если только первыя свѣдѣнія о немъ окажутся вѣрными. Событіе это—освобожденіе Высокопреосвященнаго Митрополита Крутицкаго Петра изъ заключенія, въ которомъ онъ съ конца 1925 года находился. По времени освобожденіе Митрополита Петра приблизительно совпало съ третьей годовщиной кончины Св. Патріарха Тихона. Всѣмъ еще хорошо памятны событія русской церковной жизни, предшествовавшія преждевременной кончинѣ Патріарха, и обстоятельства, при которыхъ въ управленіе Россійской Церковью вступилъ Высокопреосвященный Митрополитъ Петръ. До настоящаго времени Православная Церковь въ Россіи не перестала видѣть въ немъ Мѣстоблюстителя Патріаршаго Престола, но фактически съ конца 1925 года Митрополитъ Петръ былъ лишенъ возможности управлять дѣлами Церкви. Совѣтская власть, ввергнувъ его въ московскую Бутырскую тюрьму, добивалась отъ него согласія на признаніе каноничности и православности обновленчества, но ни лишеніе свободы, ни тяготы заключенія, ни болѣзнь не сломили крѣпкаго духа великаго русскаго святителя: Митрополитъ Петръ стойко отклонилъ сдѣланныя ему предложенія, ни на іоту не поступился своимъ Православіемъ и былъ подвергнутъ дальнѣйшимъ гоненіямъ: сперва заключенію въ превращенномъ большевиками въ тюрьму Суздальскомъ монастырѣ, а затѣмъ и ссылкѣ въ Тобольскъ, гдѣ наконецъ застало его освобожденіе. Первыя свѣдѣнія объ этомъ освобожденіи были получены изъ Москвы въ Ковнѣ въ началѣ апрѣля с. г., а оттуда на Страстной седмицѣ проникли въ Парижъ и получили широкую огласку. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, Митрополитъ Петръ послѣ освобожденія продолжаетъ находиться въ Тобольскѣ, такъ какъ въѣздъ въ Москву ему запрещенъ совѣтской властью. Въ

мѣропріятія Митрополита Сергія по управленію Церковью Митрополитъ Петръ, по слухамъ, не намѣренъ вмѣшиваться и такимъ образомъ его освобожденіе не измѣнитъ установившагося въ послѣднее время въ этомъ отношеніи порядка. Несомнѣнно то, что, учитывая особыя условія жизни Церкви въ совѣтской Россіи, приходится относиться съ большой осторожностью ко всѣмъ сообщеніямъ, идущимъ изъ Москвы, и поэтому всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія объ освобожденіи, судьбѣ и намѣреніяхъ Митрополита Петра надо считать нуждающимися въ провѣркѣ, но можно все же надѣяться, что фактъ освобожденія не подлежитъ сомнѣнію, а это обстоятельство уже наполняетъ сердца радостью по поводу облегченія судьбы многострадальнаго русскаго Іерарха.

Мы еще не знаемъ, какъ прошло въ этомъ году въ Россіи празднованіе Св. Пасхи, но судя по первымъ свѣдѣніямъ кампанія совѣтскихъ „безбожниковъ“ потерпѣла полную неудачу, несмотря на то, что приготовленія къ ней велись весьма усиленно. Передъ самымъ праздникомъ Пасхи московская „Комсомольская Правда“ писала:

„Въ связи съ приближеніемъ церковнаго праздника пасхи ЦК ВЛКСМ предложилъ всѣмъ мѣстнымъ организаціям усилить антирелигіозную и антипасхальную работу. Кампанія, однако, не должна развертываться подъ лозунгомъ „Комсомольской Пасхи“, чтобы не создавать представленія среди массъ рабочихъ и рабочей молодежи, что комсомолъ хочетъ установить какую-то особую, совѣтскую пасху. Антипасхальная пропаганда должна сосредоточиваться въ клубѣ или избѣ-читальнѣ. Необходимо пріурочить къ этому времени проведеніе всевозможныхъ конкурсовъ на лучшаго гармониста, разсказчика, плясуна, организовать шахматные турниры, физкультурныя стрѣлковыя и т. п. состязанія. Въ крупнѣйшихъ городахъ желательно организовать въ ночь подъ Пасху маскарады, фейерверки и т. д. Въ деревнѣ Пасхѣ долженъ быть противопоставленъ праздникъ первой борозды. Къ участію въ антипасхальной кампаніи должны быть привлечены мѣстныя культурныя силы (учитель, агрономъ, врачъ и т. д.). На улицѣ могутъ быть организованы гулянья съ использованіемъ граммофона съ антирелигіозными пластинками.

Такимъ образомъ, планъ „антипасхальной“ кампаніи былъ намѣченъ въ текущемъ году съ явнымъ отклоненіемъ отъ примѣра предыдущихъ лѣтъ. Убѣдившись въ недѣйствительности грубыхъ кощунственныхъ демонстрацій „Комсомольской Пасхи“, большевики перешли къ болѣе хитрымъ методамъ борьбы съ Церковью—къ попыткамъ отвлечь народъ отъ Церкви путемъ устройства развлеченій и зрѣлищъ грубо матеріалистическаго характера. Но ясно, что развлеченія эти не могутъ удовлетворить высшіе запросы человѣческой души и что на пути борьбы большевиковъ съ церковью переходъ отъ грубаго кощунства къ вынужденной маскировкѣ истинныхъ цѣлей антирелигіозной кампаніи уже является отступленіемъ.

Необходимость этого отступленія объясняется наростаніемъ религіозныхъ настроеній среди рабочаго населенія Россіи. Мы уже писали въ „Воскресномъ Чтеніи“ о рѣшеніи рабочихъ владимірской текстильной фабрики „Коммунистическій Авангардъ“ построить церковь взамѣнъ закрытаго большевиками храма. Это рѣшеніе рабочихъ вызвало отпоръ со стороны большевиковъ.

Совѣтское агентство „Роста“ сообщаетъ, что на фабрикѣ „Коммунистическій авангардъ“ разгорается „большая борьба вокругъ постройки церкви“.

На собраніи партактива вынесена резолюція съ требованіемъ объ отмѣнѣ разрѣшенія на постройку церкви. Въ то же время со стороны „церковниковъ“ усиливается агитація за постройку. Нѣкоторые изъ нихъ состоятъ въ различныхъ организаціяхъ. Среди нихъ есть и членъ горсовѣта—нѣкій Васяковъ, предлагавшій, какъ сообщаетъ „Роста“ — „организовать сборъ денегъ одновременно на дѣтдомъ и церковь“. „Церковники“ группируются вокругъ фабричнаго комитета. Относительно того же Васякова фабкомъ заявлялъ, что онъ „лучшій профактивистъ“. Отдѣльные работники фабкома состояли въ тѣсной связи съ церковниками. Въ результатѣ—жалуется „Роста“ — нерѣдки случаи, когда, напримѣръ, піонеры поютъ въ церковномъ хорѣ.

По совѣтскому обыкновенію, борьба во Владимірѣ немедленно вызвала отклики въ другихъ городахъ, гдѣ большевики по той или другой причинѣ могутъ разсчитывать на меньшую организованность и сопротивляемость вѣрующихъ. Такъ напримѣръ, казанскій корреспондентъ агентства „Роста“ сообщаетъ: „Общія собранія рабочихъ фабрики „Коммунаръ“ спирто водочнаго завода станціи Казань, М. К. ж. д. и др. постановили возбудить ходатайство передъ правительственными органами о закрытіи четырехъ монастырей и церквей въ Казани съ тѣмъ, чтобы частично использоватъ ихъ въ качествѣ жилищъ для рабочихъ“.

Въ этой замѣткѣ и въ рядѣ другихъ на ту же тему, опубликованныхъ въ послѣднее время въ совѣтской печати, видна несомнѣнная рука „антирелигіознаго отдѣла ГПУ“. Дѣятельность этого отдѣла распространяется на всѣ, даже незначительныя проявленія современной русской жизни, поскольку они имѣютъ нѣкоторое, хотя бы косвенное отношеніе къ Церкви и вѣрѣ. Такъ „Вечерняя Москва“ сообщаетъ: „Ассоціація современной музыки обратилась въ Государственную Академическую Хоровую капеллу съ предложеніемъ выступить на трехъ концертахъ изъ произведеній А. Д. Кастальскаго. Составлена уже программа этихъ концертовъ, цѣликомъ состоящая изъ церковныхъ пѣснопѣній: „Во Царствіи твоемъ“, „Вѣрую“, „Тебѣ поемъ“, „Съ нами Богъ“, „Упокой“, „Вѣчная память“ и др. Хоровая капелла, получивъ это предложеніе, пришла въ замѣшательство. За разъясненіемъ своихъ сомнѣній капелла обратилась въ „Наркомпросъ“. „Главнаука“ по этому поводу указала, что исполненіе Государственной капеллой церковныхъ пѣснопѣній такъ же недопустимо, какъ организація подобныхъ концертовъ Ассоціаціей современной музыки, работающей подъ идеологическимъ руководствомъ „Наркомпроса“. Концерты, повидимому, не состоятся.

Какимъ контрастомъ по отношенію къ этимъ сообщеніямъ звучитъ прекрасное описаніе Святой Аѳонской горы, которое мы извлекаемъ изъ парижскаго „Возрожденія“:

„При приближеніи къ Афону съ моря, онъ кажется двугорбой горой. Что то ветхозавѣтное есть во всемъ пейзажѣ. Полуостровъ, раздѣленный довольно высокимъ гористымъ кряжемъ, имѣетъ 80 верстъ въ длину и 30 верстъ въ ширину. Подъемъ по горной тропкѣ—на мулѣ. Нигдѣ не встрѣтить привычныхъ глазу селеній. 20 монастырей русскихъ, греческихъ, сербскихъ, болгарскихъ — заполняютъ полуостровъ.

Тысяча лѣтъ, какъ запрещенъ сюда въѣздъ женщинамъ. Единственная Дѣва Богоматерь простерла свой омофоръ надъ полуостровомъ и охраняетъ его святой покой. Административный центръ — Карей, населенъ только монахами и греческими чиновниками. Здѣсь также не видно ни одного женскаго силуэта. На полуостровъ не допускаются и животныя женскаго пола.

Въ полночь раздаются своеобразные звуки „била“, мѣдной доски, собирающіе молящихся въ храмъ.

Со всѣхъ сторонъ стекаются молчаливыя, фигуры монаховъ. Идутъ самые глубокіе старики, съ трудомъ передвигающіе ноги. Церковь едва освѣщена. Игуменъ „бѣлымъ“ голосомъ читаетъ шестопсалміе. Чтецъ „вычитываетъ“ псалмы, поочередно переходя отъ одного клироса на другой. Вся жизнь на Афонѣ течетъ по точному расписанію. Въ моментъ заката солнца часы ставятся на полночь и время передвигается въ зависимости отъ движенія дневного свѣтила. Поэтому, въ маѣ мѣсяцѣ, разница между часами на Афонѣ и въ остальной Европѣ доходитъ до 5 часовъ.

Утреня начинается въ 6 ч. утра, т. е. въ 1 ч. по нашему времени, и продолжается до 4—4 съ пол. час. За ней литургія, до 6 час. До 7 час. отдыхъ. Съ 7 до 9 час. „послушанія“, т. е., работы въ полѣ, на огородѣ, во дворѣ, причемъ на работы выходятъ всѣ, до старцевъ включительно. Въ 9 час. трапеза. До часу вновь „послушанія“. Въ 7 час. вечера вторая трапеза. Потомъ повечеріе до 8 час., отъ 8 до 10—11 час. молитва съ поклонами въ келіяхъ. До часу ночи сонъ, а затѣмъ снова утреня. И такъ изо дня въ день. Питаются монахи весьма скудно, и тѣмъ не менѣе доживаютъ до глубокой старости. Бѣдность русскихъ монастырей очень велика. Къ счастью, имѣется земля для обработки, но молодыхъ монаховъ мало и воздѣлывать ее все труднѣе и труднѣе. Изъ своихъ запасовъ монастыри, кромѣ того, поддерживаютъ пустынниковъ“.

У насъ.

Со времени образованія парламента созыва 1928 года прошло около шести недѣль, со времени начала работы новыхъ законодательныхъ палатъ—около мѣсяца и многія неосновательныя опасенія, существовавшія передъ началомъ этихъ работъ, разсѣялись и уступили мѣсто трезвой оцѣнкѣ положенія со стороны всѣхъ элементовъ общественнаго мнѣнія въ государствѣ. Произошла эта перемѣна, главнымъ образомъ, потому, что новый парламентъ счастливо преодолѣлъ первыя затрудненія, бывшія на его пути, и вступилъ на путь той спокойной работы, которая можетъ обезпечить ему нормальное сотрудничество съ правительствомъ, а слѣдовательно и продолженіе собственнаго существованія. Нечего скрывать, что такое положеніе не создалось просто и скоро. Всѣмъ еще памятна тревога, охватившая интересующ'еся политикой круги, послѣ того, какъ большинство депутатовъ Сейма не послушалось голоса Главы правительства и вмѣсто заслуженнаго его помощника по управленію государствомъ проф. Бартеля вручило постъ предсѣдателя палаты лидеру польской соціалистической партіи г. Дашинскому. Былъ моментъ, когда судьба Сейма казалась рѣшенной въ самомъ неблагопріктномъ для него смыслѣ, а дни его—сочтенными. Но спокойствіе правительства и мудрая уступчивость самого Сейма въ основныхъ вопросахъ государственной жизни сдѣлали свое дѣло и кризисъ счастливо миновалъ. Это, конечно, еще не означаетъ, что миновалъ онъ навсегда и что въ области взаимоотношеній между исполнительной и законодательной властью въ Польшѣ не могутъ нагромоздиться новыя затрудненія—слишкомъ сложна проблема установленія этихъ взаимоотношеній!—но преодолѣніе первыхъ трудностей является благопріятнымъ предзнаменованіемъ на будущее и внушаетъ довѣріе къ государственному чутью руководителей парламента, которые, можетъ быть, найдутъ путь къ установленію нормальныхъ отношеній съ исполнительной властью согласно мыслямъ, не разъ выражавшимся Главой Правительства — Маршаломъ Пилсудскимъ.

Разрѣшеніе этой проблемы является въ настоящее время основнымъ вопросомъ внутренней политической жизни Польши. Но кромѣ этого основного вопроса во внутренней жизни государства существуетъ въ настоящее время рядъ другихъ, изъ которыхъ, можетъ быть, не самымъ маловажнымъ является вопросъ объ экономическомъ положеніи страны въ связи съ пассивностью торговаго баланса Польши. Какъ мы уже имѣли случай объяснить на столбцахъ „Воскреснаго Чтенія“, пассивностью торговаго баланса страны называется такое положеніе, при которомъ цѣнность ввоза иностранныхъ товаровъ въ государство превышаетъ цѣнность вывоза товаровъ даннаго государства заграницу. Опасность этого положенія не въ перенасыщеніи рынка иностранными товарами, а въ томъ, что за эти товары надо платить и что эта необходимость можетъ вызвать утечку иностранныхъ валютъ изъ даннаго государства, страдающаго пассивностью своего торговаго баланса и отразиться отрицательно на собственной валютѣ и на финансовомъ положеніи этого государства. Въ Польшѣ о такой опасности говорить преждевременно, но затянувшаяся пассивность нашего торговаго баланса является факторомъ, на который въ настоящее время обращено усиленное вниманіе, какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ круговъ. Начало этой пассивности относится къ прошлому году. Въ текущемъ году пассивнымъ оказался торговый балансъ Польши во всѣ первыхъ три мѣсяца т. г., причемъ въ мартѣ пассивность эта достигла, по сообщеніямъ варшавскихъ газетъ, значительныхъ размѣровъ въ связи съ послѣдовавшей въ апрѣлѣ с. г. валоризаціей таможенныхъ пошлинъ: польскіе купцы стремились запастись иностранными товарами по пониженнымъ пошлинамъ до вступленія распоряженія о валоризаціи въ силу. Въ компетентныхъ и освѣдомленныхъ кругахъ къ пассивности торговаго баланса относятся спокойно, считая это явленіе временнымъ и полагая, что оздоровленіе положенія наступитъ послѣ реализаціи урожая 1928 года, то есть во второй половинѣ т. г., до этого времени ожидать рѣзкаго и полнаго улучшенія положенія трудно, хотя бы потому, что можетъ представиться необходимость ввоза нѣкотораго количества иностранныхъ зерновыхъ продуктовъ. Но перспектива эта совершенно не считается въ освѣдомленныхъ кругахъ внушающей опасенія, такъ какъ общее финансовое и экономическое положеніе Польши сейчасъ болѣе благопріятно, чѣмъ когда бы то ни было. Такимъ образомъ временныя затрудненія въ области торговаго баланса не являются ни страшными ни опасными для благополучія государства и его гражданъ.

Большое вниманіе привлекали къ себѣ за послѣднее время международныя отношенія Польши: прежде всего—ея отношенія съ Литвой, а затѣмъ—поѣздка нашего министра иностранныхъ дѣлъ г. Залесскаго въ Римъ, гдѣ состоялось свиданіе руководителя внѣшней политики Польши съ главой итальянскаго правительства, знаменитымъ лидеромъ фашизма—Бенито Муссолини. Польско-литовскія отношенія—какъ совершенно вѣрно отмѣтила во время польско-литовскихъ переговоровъ въ Кенигсбергѣ англійская печать—являются въ настоящее время однимъ изъ самыхъ чувствительныхъ пунктовъ въ европейской политикѣ. Отъ развитія этихъ отношеній въ ту или иную сторону зависитъ весь ходъ положенія въ восточной Европѣ, спокойствіе и миръ восточно-европейскихъ государствъ. Поэтому общественное мнѣніе Польши, Литвы и Европы, опасающееся конфликтовъ въ эпоху,

когда эти конфликты могутъ быть опасными для дѣла всеобщаго мира, съ такимъ радостнымъ чувствомъ привѣтствовало первый шагъ на пути къ польско-литовскому соглашенію и къ установленію нормальныхъ отношеній между польскимъ и литовскимъ государствами, какимъ была встрѣча представителей Польши и Литвы въ Кенигсбергѣ. Во время этой конференціи талантъ, спокойствіе и миролюбіе нашего министра иностранныхъ дѣлъ г. Залѣсскаго разрушили всѣ попытки г. Вальдемараса, предсѣдателя литовскаго совѣта министровъ, внести въ ходъ переговоровъ чуждые ему элементы и въ частности включить въ эти переговоры исчерпанный съ точки зрѣнія Польши виленскій вопросъ, и благодаря этому удалось достигнуть рѣшенія о созывѣ трехъ польско-литовскихъ комиссій, которымъ суждено заняться болѣе конкретнымъ разрѣшеніемъ вопросовъ, связанныхъ съ установленіемъ нормальныхъ отношеній между Польшей и Литвой. Не переоцѣнивая значенія созыва этихъ комиссій, изъ которыхъ одна будетъ засѣдать въ Варшавѣ, другая — въ Ковнѣ, а третья — въ Берлинѣ, можно выразить пожеланіе, чтобы духъ миролюбія, проникающій намѣренія польскихъ делегатовъ, проникъ бы также намѣренія делегатовъ Литвы и одухотворилъ обѣ стороны искреннимъ стремленіемъ къ достиженію конкретныхъ и благопріятныхъ результатовъ столь нужныхъ для всѣхъ народовъ восточной Европы.

Поѣздка г. Залѣсскаго въ Римъ и его свиданіе съ г. Муссолини были своего рода политической сенсаціей. Совѣтская печать по своему обыкновенію усмотрѣла въ этомъ событіи „заговоръ" противъ коммунизма въ Россіи, нѣмецкая печать поспѣшила выступить съ инсинуаціями и намеками на охлажденіе между Польшей и ея союзникомъ Франціей, якобы вызванное сближеніемъ между Польшей и Италіей. Само собой разумѣется, что и опасенія совѣтской прессы и инсинуаціи нѣмецкой въ одинаковой степени лишены всякаго основанія: поѣздка нашего министра иностранныхъ дѣлъ въ Римъ не была направленной противъ кого бы то ни было враждебной демонстраціей и не преслѣдовала никакихъ агрессивныхъ намѣреній по отношенію къ кому бы то ни было. Все значеніе этой поѣздки сводится къ возобновленію и оживленію традиціонной дружественной связи между двумя государствами, связанными между собой въ прошломъ общей культурно-исторической традиціей и вѣковой дружбой, о которой въ своихъ римскихъ рѣчахъ говорили Бениго Муссолини и г. Залѣсскій. Характерно, что на столбцахъ соціалистической печати въ Польшѣ появилось осужденіе поѣздки г. Залѣсскаго въ Римъ, причемъ осужденіе это вызвано было не оцѣнкой направленія внѣшней политики Польши и взглядовъ ея руководителя, а отношеніемъ къ фашистскому режиму въ Италіи и къ личности главы фашизма Муссолини. Нельзя не отмѣтить, что осужденіе это исходило изъ партіи, которая въ свое время считала установленіе нормальныхъ отношеній между Польшей и совѣтской Россіей вполнѣ нормальнымъ явленіемъ и не считала господствующій въ Россіи кровавый терроръ коммунизма препятствіемъ къ поддержанію нормальныхъ отношеній между Москвой и Варшавой. Если же кровавый коммунистическій режимъ не можетъ служить препятствіемъ къ поддержанію нормальныхъ дипломатическихъ сношеній между Варшавой и столицей СССР, тѣмъ болѣе не можетъ служить препятствіемъ для поддержанія дружественныхъ отношеній между возрожденной Италіей и возрожденной Польшей установленный въ Италіи режимъ фашизма, основанный на уваженіи къ христіанскимъ вѣрованіямъ, національности, государству и собственности. А нѣкоторыя крайности фашизма объясняются той „болѣзнью роста", которая переживается въ настоящее время этимъ теченіемъ и которыя въ свое время будутъ имъ изжиты. А вообще „фашизмъ", какъ явленіе отрицательное, вещь относительная, Совѣтская печать ежедневно обвиняетъ правительство Маршала Пилсудскаго въ примѣненіи „фашистскихъ" методовъ въ Польшѣ, но соціалистическая печать, осуждая Муссолини, отвергаетъ эти обвиненія по отношенію къ Польшѣ. Почему же нельзя допустить, что и по отношенію къ Италіи обвиненія ея враговъ не бываютъ иногда преувеличены и прямо ложны? Какъ бы то ни было, необходимо констатировать, что пребываніе министра Залѣсскаго въ Италіи вызвало болѣе внимательное, чѣмъ до сихъ поръ, отношеніе польскаго общественнаго мнѣнія къ Италіи и ея великому преобразователю, въ которомъ при желаніи можно найти извѣстныя общія черты съ великимъ преобразователемъ Польши.

Заграницей.

Положеніе въ совѣтской Россіи съ каждымъ днемъ все болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія. Оптимистическія сообщенія совѣтской печати не затушевываютъ той тревоги, которую приносятъ вѣсти о настроеніяхъ въ деревнѣ. Тамъ, въ глубинѣ Россіи, что то происходитъ. Объ этомъ не говорятъ открыто на митингахъ, но очень много разсуждаютъ во всякаго рода партійныхъ совѣщаніяхъ. Что дѣлается въ деревнѣ? Общій отвѣтъ можетъ быть данъ въ такой формѣ. Крестьянство начинаетъ опредѣленно реагировать на „лѣвую" политику власти, на нажимъ на деревню, на общую дороговизну, на выколачиваніе податей, на произволъ комсомольцевъ и т. д. Причинъ недовольства и притомъ остраго недовольства больше чѣмъ достаточно. Но до недавняго времени деревня терпѣливо сносила всѣ испытанія и молчала. Теперь, можетъ быть, она тоже молчитъ, но весьма организованно выражаетъ свое недовольство въ дѣлахъ. Уже неудача хлѣбныхъ заготовокъ (вслѣдствіе отказа крестьянъ продавать „излишки хлѣба") заставила насторожиться большевиковъ.

Теперь второй еще болѣе грозный симптомъ: это систематическое уменьшеніе засѣвовъ. Извѣстія объ этой тенденціи идутъ изъ самыхъ различныхъ мѣстъ: изъ Сибири, сѣвернаго Кавказа, Поволжья и т. д. Повсюду одна и та же картина. Крестьяне подъ самыми благовидными предлогами уменьшаютъ количество посѣвной площади и часто не используютъ даже тѣхъ сѣменныхъ ссудъ, которыя имъ даются. Большевики понимаютъ, что если эта тенденція приметъ широкіе размѣры, то будетъ нанесенъ страшнѣйшій ударъ всему государственному хозяйству, которое, какъ прежде, такъ и теперь, зиждется на урожаѣ, на хлѣбѣ, на крестьянинѣ. Посѣвной саботажъ конечно, вполнѣ естественно объясняется нежеланіемъ крестьянъ работать и трудиться для того, чтобы отъ нихъ отнимали въ той или иной формѣ результаты трудовъ; но именно это считается прямой контръ-революціей. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, во всемъ обвиняютъ кулаковъ, зажиточныхъ крестьянъ, принимаютъ противъ нихъ мѣры, весьма рѣшительныя. Въ настоящее время десятки тысячъ крестьянъ брошены въ тюрьмы. Одни за то, что саботировали заготовки, другіе—за то, что подстрекаютъ крестьянъ уменьшать посѣвы, третьи—за то, что выступали противъ

крестьянскаго займа. Но эти аресты и репрессіи производятъ обратное дѣйствіе тому, какого отъ нихъ ожидаютъ. По всей странѣ циркулируютъ слухи, можетъ быть, неосновательные, но такіе, которымъ крестьянинъ вполнѣ вѣритъ. Первый изъ этихъ слуховъ, состоитъ въ томъ, что сов. власть предполагаетъ къ будущей осени вернуться къ знаменитой продразверсткѣ, съ заградительными отрядами, конфискаціей хлѣба и т. д. Достаточнымъ основаніемъ для такихъ слуховъ являются факты, что во многихъ мѣстахъ низшая администрація сама отъ себя дѣйствительно усиливала „успѣшность" заготовокъ именно такими средствами. Второго рода слухи идутъ еще дальше. Подъ вліяніемъ послѣднихъ мѣропріятій, направленныхъ къ поддержанію коллективныхъ хозяйствъ и совхозовъ, въ крестьянствѣ и притомъ не только зажиточномъ, но и въ среднемъ, укрѣпляется увѣренность, что снова предстоитъ какой-то черный передѣлъ, что большевики будутъ отнимать землю и создавать вновь коммуны въ которыхъ крестьяне должны будутъ принудительно работать. Этотъ слухъ широко разлился по самымъ различнымъ районамъ и привелъ, между прочимъ, къ усиленію тенденціи сокращать посѣвы. Отчасти въ связи съ этими настроеніями находится и совершенно опредѣлившаяся неудача такъ называемаго крестьянскаго займа. Въ деревнѣ, которая, повидимому, усвоила себѣ понятіе о провокаціи чекистовъ, упорно говорятъ, что самый заемъ — это есть не что иное, какъ средство для уловленія зажиточныхъ крестьянъ. Покупателей займа записываютъ въ особые списки, и эти списки будутъ потомъ служить начальству для того, чтобы установить — кто кулакъ и кто не кулакъ. Въ этомъ слухѣ нѣтъ ничего правдоподобнаго; но ему вѣрятъ, и крестьяне весьма упорно уклонялись отъ пріобрѣтенія облигацій займа. Опять-таки большевики, особенно на мѣстахъ, прибѣгли къ своему любимому средству. Стали просто принудительно навязывать займы крестьянамъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и даже расплачиваться за хлѣбъ этими облигаціями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это привело къ столкновеніямъ. Въ Москвѣ заволновались, и самъ Рыковъ вынужденъ былъ обратиться съ письмомъ къ мѣстным властямъ, въ которомъ онъ категорически запрещалъ принудительное размѣщеніе займа.

ОГПУ старается доказать, что въ одномъ случаѣ часть вины падаетъ на опредѣленную контръ-революціонную агитацію. По свѣдѣніямъ, которыя сообщаются въ донесеніяхъ съ мѣстъ, среди крестьянъ въ послѣднее время появились какія-то нелегальныя организаціи, что-то вродѣ крестьянскихъ союзовъ, которымъ чекисты приписываютъ большую роль въ созданіи нынѣшнихъ настроеній.

Дѣла венгерскія не перестаютъ притягивать вниманіе міровогo общественнаго мнѣнія. Только что венгерскіе пулеметы и помѣщики исчезли на нѣкоторое время со страницъ газетъ, какъ Муссолини поднялъ еще болѣе сложный вопросъ о венгерскихъ границахъ. Въ интервью съ лордомъ Ротсермиромъ, англійскимъ газетнымъ королемъ, взявшимъ на себя роль защитника попранныхъ венгерскихъ интересовъ, Муссолини заявилъ о необходимости пересмотра границъ Венгріи, установленныхъ тріанонскимъ договоромъ и исправленія допущенныхъ этнографическихъ неправильностей. Великодушное предложеніе Муссолини нельзя въ сущности ни защищать, ни оспаривать. Границы, хотя и построенныя на принципѣ самоопредѣленія національностей, менѣе всего справедливы съ этнографической точки зрѣнія и напримѣръ значительныя массы венгерскаго населенія оказались включенными въ предѣлы чужихъ государствъ — но спрашивается, можно ли вообще достигнуть абсолютно справедливыхъ этнографическихъ границъ? Какъ разъ въ предѣлахъ Италіи, столь заботящейся объ этнографической справедливости, имѣются компактныя группы славянскаго и нѣмецкаго населенія, которыя тяготѣютъ къ своимъ единомышленникамъ, живущимъ въ сосѣднихъ государствахъ. Если исправлять венгерскія несправедливости, то почему ими ограничиться и не заняться исправленіемъ всѣхъ вообще границъ новой Европы? Французская печать указываетъ, что пересмотръ одного мирнаго договора повлечетъ за собой пересмотръ и всѣхъ остальныхъ, въ томъ числѣ и касающихся непосредственно Италіи.

Намѣчавшееся въ прошломъ году примиреніе между церковью и государствомъ въ Италіи надолго откладываются. Ватиканъ былъ, видимо, задѣтъ резолюціями партіи католическаго центра, черезчуръ рѣзко выразившими преданность фашистскому режиму, и поспѣшилъ указать, что вѣрные сыны церкви не могутъ имѣть причинъ для чрезмѣрной радости, ибо положеніе католичества въ Италіи оставляетъ желать лучшаго. И папа счелъ необходимымъ въ осторожной, но все же не оставляющей сомнѣній рѣчи, выразить протестъ противъ стремленія фашистскаго правительства монополизировать воспитаніе юношества, изъявъ его окончательно — изъ подъ вліянія духовенства. Со свойственной ему рѣшительностью Муссолини на слова отвѣтилъ дѣлами и издалъ распоряженіе, фактически ликвидирующее всѣ католическія организаціи молодежи. Муссолини въ самомъ началѣ своего режима поставилъ задачей по меньшей мѣрѣ благожелательный нейтралитетъ по отношенію къ католической церкви. Отчасти имъ руководило желаніе противопоставить себя прежнимъ вершителямъ итальянскихъ судебъ — либераламъ, находившимся подъ вліяніемъ массонскихъ ложъ „Великаго Востока" и рѣзко враждебныхъ католическому духовенству. Съ другой стороны Муссолини понималъ, что дружественныя отношенія съ католической церковью будутъ только способствовать имперскимъ планамъ фашизма. Ватиканъ, оцѣнившій эти мотивы, въ свою очередь шелъ навстрѣчу правительству и почти ликвидировалъ католическія партійныя организаціи, вождь которыхъ донъ Стурцо былъ принужденъ эмигрировать. Но отказаться отъ всякой политики, потерять всякое вліяніе на души и умы въ особенности подрастающаго поколѣнія, обезличить себя совершенно и обречь на положеніе живой церкви въ совѣтскомъ строѣ — Ватиканъ не могъ. Какъ ни осторожны были его дѣйствія, фашистскій режимъ, не терпящій никакого соперничества, реагировалъ на нихъ весьма рѣзко. Развитіе этой борьбы — если только она будетъ продолжаться — поставитъ итальянскихъ католиковъ въ крайне затруднительное положеніе, но врядъ ли будетъ способствовать и укрѣпленію фашизма.

Трудно судить, конечно, въ какой мѣрѣ это явленіе серьезное. Но, повидимому, кромѣ стихійнаго недовольства въ послѣднее время среди крестьянъ, дѣйствительно, замѣчается нѣкоторая организованность въ выявленіи этого недовольства. А этого больше всего боятся вожди и диктаторы!

Между Эстоніей и Латвіей подписанъ торговый договоръ, ничѣмъ не отличающійся отъ нормальныхъ торговыхъ договоровъ этого типа, основанныхъ на принципѣ наибольшаго благопріятствованія. Заключеніе его было необходимо, такъ какъ Латвія съ 16 апрѣля ввела таможенныя пошлины на товары тѣхъ государствъ, съ которыми она не имѣетъ торговыхъ соглашеній. Договоръ не предусматриваетъ никакихъ спеціальныхъ преимуществъ, которыя бы послужили переходной стадіей къ намѣчавшейся таможенной латвійско эстонской уніи, очевидно, что вопросъ о заключеніи этой уніи обстоитъ далеко не благополучно. За-

ключенный Латвiей съ СССР торговый договоръ заключалъ въ себѣ пункты, препятствовавшiе этой унiи, и потому вызвалъ сильное недовольство эстонскаго общественнаго мнѣнiя, справедливо усмотрѣвшаго въ немъ побѣду совѣтской дипломатiи, употребляющей всѣ усилiя, чтобы помѣшать экономическому и политическому объединенiю балтiйскихъ государствъ. Несмотря на то, что въ Латвiи у власти находится другое правительство, переговоры о заключенiи таможенной унiи не двигаются впередъ — тѣмъ болѣе отодвигается въ неопредѣленную даль вопросъ о балтiйскомъ союзѣ.

Iерархiя

Православной Церкви въ С. С. С. Р. *)

(Имя, фамилiя, наименов. по каѳедрѣ, годъ хирот., образов. и состоянiе до епископскаго сана, ранѣе занимаемая каѳедра).

245. СИНЕСIЙ Зарубинъ—еп. Колымскiй. вик. Якутской епархiи; Строгановск. уч.
246. ТИХОНЪ Тихомировъ — епископъ Кирилловскiй, Дух. Ак., ректоръ Новгородской семнарiи, архимандритъ.
247. ТИХОНЪ Шараповъ—епископъ Гомельскiй, хир. 1925 г., Унив., Турт Кум. Закасп. обл.
248. ТИХОНЪ Русановъ—епископъ Усть-Медвѣдицкiй, въ расколѣ съ 9-22 декабря 1925 г.; было покаялся, но потомъ возвратился на свою блевотину, запрещенъ митрополитомъ Сергiемъ.
249. ТИХОНЪ—епископъ Кубанскiй.
250. ТИХОНЪ Рождественскiй—еп. Дамьянскiй, хир. 1925 г., протоiерей.
251. ТРИФОНЪ Туркестановъ — архiепископъ быв. Дмитровскiй, хир. 1901 г.. Дух. Ак., ректоръ Московской сем., архим., на покоѣ.
252. ТРОФИМЪ—епископъ Кубанскiй, Екатеринодарскiй, хир. 1922 г., изъ монашествующихъ, еп. Сызранскiй; въ Петрозаводскѣ.
253. ТИМОНЪ Русановъ—Антонинъ—еп. Кустанайскiй, хир. 1926 г., Дух. сем., прот.
254. УАРЪ Шмаревъ Петръ—еп. Липецк., Лебедянск., хир. 1926 г., учит. семин., изъ протоiереевъ села Тютчева, Лебедянскаго у. Тамб. г.
255. ѲАДДЕЙ Успенскiй—архiепископъ Астраханскiй, хир. 1908 г., Моск. Дух. Ак., магистръ богословiя, ректоръ Олонецкой семинарiи, архимандритъ, быв. еп. Владимiро-Волынскiй.
256. ѲЕОДОРЪ — архiепископъ быв. Волоколамскiй, хир. 1909 г. Дух. Ак., магистръ богословiя, ректоръ Московской Семинарiи, архим. въ Тургалѣ.
257. ѲЕОДОРЪ Яковцевскiй — епископъ Устюжскiй, изъ протоiереевъ.
258. ѲЕОДОСIЙ Ганицкiй — епископъ Коломенскiй.
259. ѲЕОДОСIЙ Вощинскiй — еп. Винницкiй, хир. 1926 г., быв. протоiерей Дмитрiй, изъ гор. Нѣжина, Вас. церкви.
260. ѲЕОФАНЪ—архiепископъ Полтавскiй, въ эмиграцiи
261. ѲЕОФАНЪ Туляковъ — архiепископъ Калужскiй, хир. 1915 г., Дух. Ак. магистръ Богословiя, Намѣстникъ Александро-Невской Лавры, архимандритъ.
262. ѲЕОФАНЪ—епископъ Гжатскiй, Настоятель Коломенскаго мон., архимандритъ.
263. ѲЕОФАНЪ Богоявленскiй — епископъ Новоторжскiй.
264. ѲЕОФАНЪ—епископъ, вик. Полтавской епархiи.
265. ФИЛИППЪ Ставицкiй — епископъ Смоленскiй, хир. 1916 г. Моск. Дух. Ак., быв. епископъ Алягскинскiй, въ Кавказской Пустынѣ.
266. ФИЛИППЪ Гумилевскiй — епископъ Балахнинкiй, Моск. Дух. Ак., ректоръ Кишеневской сем. архимандритъ, быв. епископъ Ейскiй.
267. ФИЛИППЪ Перовъ — епископъ Нижне Ломскiй.
268. ФЛАВIАНЪ—епископъ Котельницкiй.
269. ФИЛАРЕТЪ—епископъ Бѣлоцерковскiй, недавно арестованъ.
270. ФИЛАРЕТЪ Роменскiй — епископъ Борисовскiй.
271. ФИЛАРЕТЪ—епископъ Черкасскiй и Чигиринскiй.
272. ЮВЕНАЛIЙ Масловскiй—архiепископъ Курскiй, хир. 1914 г., Дух. Ак., настоятель Новгородскаго Юрьевскаго мон., архимандритъ, быв. епископъ Каширскiй, еп. Тульскiй; въ Соловкахъ.

ПРИМѢЧАНIЕ: Гдѣ нѣтъ фамилiи и образовательнаго ценза и быв. до епископства званiя, тамъ они неизвѣстны, есть многiе въ ссылкѣ, но не указаны, и также есть по два и по-три епископа, числящихся на одной и той-же каѳедрѣ, этимъ не смущайтесь, потому что въ виду частаго выбытiя изъ строя и частой перемѣны епископовъ съ одной каѳедры на другую — трудно за всѣмъ услѣдить, а потому возможны неточности. Точно знаетъ, кто гдѣ находится, одно Г. П. У. (чека).

*) См. „Воскресное Чтенiе“ № 8—17.

ОТЪ ПРАВЛЕНIЯ СТРАХОВОГО ОБЩЕСТВА «ВИТА».

РАЗЪЯСНЕНIЕ.

Правленiе Акцiонернаго Общества „ВИТА“ настоящимъ доводитъ до свѣдѣнiя духовенства Митрополiи, что въ проспектахъ, разосланныхъ отъ имени Общества въ январѣ мѣсяцѣ сего года многимъ представителямъ православнаго духовенства, было допущено по винѣ одного изъ агентовъ О-ва, впослѣдствiи за это уволеннаго, существенное измѣненiе постановленiя Св. Синода, воспроизведеннаго на послѣдней страницѣ публикацiи, помѣщенной: „форма №—13“.

Настоящимъ оповѣщается, что резолютивная часть постановленiя Св. Синода относительно заслушанiя предложенiя Страхового О-ва „ВИТА“ объ условiяхъ страхованiя жизни должна читаться слѣдующимъ образомъ:

„Постановили: напечатать предложенiе въ одномъ изъ Синодальныхъ изданiй къ свѣдѣнiю духовенства Митрополiи и увѣдомить о семъ Страховое Общество“.

Правленiе Акц. Страх. О-ва „ВИТА“.

Redaktor-Wydawca P. Ziemcow. Редакторъ-Издатель П. Земцовъ.

Drukarnia Synodalna. Warszawa-Praga, Zygmuntowska 13.